

Валентина Алексеевна Андреева

Убойная стрела Амура

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182881
Убойная стрела Амура: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-059608-9, 978-5-271-23962-5

Аннотация

Цивилизованный отдых в пансионате казался прекрасной альтернативой нервотрепке, связанной с работами по отоплению дачи. Но подвела невнимательность – отдых выдался экстремальным!

Пансионат «Дворцовые тайны» оказался напичкан не только театрализованными, но и реальными ужасами. Трагедии прошлого возвращаются, и Ирине с Натальей выпала нелегкая задача – выжить, оставаясь в своем уме, и раскрыть дворцовые тайны пансионата...

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	10
3	17
4	21
5	27
6	33
7	39
8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валентина Андреева

Убойная стрела Амура

Часть первая

КАК ВАЖНО СЛЫШАТЬ НЕ ТОЛЬКО СЕБЯ

1

Это был звонок из другой жизни. В большей степени Наташкиной, хотя и непосредственно на мой домашний номер телефона. Именно Натальин сын, продлив срок контракта, работал в Дании, женился в Дании и, хотя копил деньги на приобретение пятикомнатной квартиры в Москве, перспектива его возвращения на Родину была туманной. В основном из-за стоимости хором. На наш взгляд, две комнаты явно были лишними. Да хотя бы в свете постоянного роста коммунальных платежей, своеобразной гонки коммунальщиков за лидерство с целью закрепить за собой стабильное первое место, не позволив росту уровня благосостояния россиян обойти себя. А если рассматривать ситуацию с точки зрения стоимости квадратного метра жилья, нависала угроза «зависнуть» Лешику за границей на всю жизнь. Оставалось только надеяться, что он поумнеет и уменьшит амбиции, иначе обретет свою мечту не ранее, чем к пенсии. Кажется, для пенсионеров существуют какие-то льготы в части оплаты вывоза мусора. А для определения расхода горячей и холодной воды можно установить надежный счетчик, чтобы раз в месяц потрепать себе нервы сведением счетов с ее подателями.

Время от времени, в периоды, соответствующие моментам раздражения Наташки на весь мир, кроме датского, ну и, пожалуй, детского, она мысленно паковала чемоданы и летела в Копенгаген. Навсегда! Иногда на пару часов, а порой время ее «постоянного проживания» в Дании ограничивалось десятью минутами. Все зависело от конкретной причины, по которой Наталья собиралась наказать Родину своим отъездом. Как правило, отмене решения об «улете» предшествовал тщательный анализ отдельных деталей ее виртуальной датской жизни. Подруга начинала всерьез пугаться. Каждый раз получалось одно и то же: покинув страну, она наказывала больше себя, нежели тех отдельных зловредных личностей, которых слепая, но любвеобильная Родина-мать тоже считает своими родными детьми. В результате подруга, в основном в моем присутствии, категорически отказывалась доставлять им удовольствие своим постоянным отсутствием по месту регистрации и посылала недругов в гораздо худшие по сравнению с заграницей места. Этому имелося простое объяснение: не тот случай, когда «заграница нам поможет», там своих уродов хватает, а приبلудных «мачеха» вышлет обратно, не задумываясь. Только так! Что же касается такого региона ссылки для избранных недоброжелателей, как чертог чертовой бабушки – он как-то надежнее. История еще не знает примеров, чтобы оттуда кто-нибудь когда-нибудь возвращался. Если только добирался туда. Бывали пункты назначения гораздо хуже. Тем не менее Наташке было приятно сознавать, что у нее для себя всегда имеется запасной вариант выхода. Вернее, вылета в Данию. Чего уж там! У многих людей бывают такие ситуации, когда хочется бежать на край света. Копенгаген поближе будет.

Лилиана Сергеевна Ряшковская, Наташкина сватья уже с шестимесячным испытательным сроком, напомнила о себе международным телефонным звонком. Именно ко мне, поскольку Наталья по месту регистрации не отзывалась. К сожалению, мы отнеслись к этому

звонку легкомысленно, не расслышав в нем ничего угрожающего. Хотя именно он и породил очередные наши, мягко говоря, злключения, прозвучав как раз в тот момент, когда Наташка, сидя со мной за столом с чашкой кофе, очередной раз собиралась на ПМЖ в Данию. Всплакнув, даже пообещала прислать мне на день рождения бандероль из Копенгагена. Подарок, который уже давно приобрела в Москве. Но, как говорится, плохая примета – поздравлять заранее.

Прошло уже полчаса, а подруга своего решения об отъезде не отменяла. Причина была более чем обоснованной. Горячо любимый муж очередной раз свихнулся – весенняя горячка. На все майские праздники тянул Наташку в гости к каким-то Тумаковым. На Волгу, где ловились небывалой величины лещи и прочая, по выражению Наташки, «костлявость». Ее решительный отказ сопровождать мужа и поощрять его хищнические инстинкты был встречен с пониманием: «Не хочешь, отдохни на даче».

– Нас на рыбу променял! – вытирая глаза и нос моей новой салфеткой, подхваченной с холодильника, жаловалась подруга.

На всякий случай я поддакнула. Терпеть не могу чистить рыбу. И очень обрадовалась, когда Наташка пояснила, что в состав «нас» я не вхожу. На рыбу меняли саму Наташку, дачные хлопоты и боксеришу.

«Лилиана Сергеевна из Копенгагена», как называла ее Наташка в минуты душевного неравновесия, а в другое время просто Ляна, внесла сумятицу в Наташкин план мести Борису. Подруга уже видела, как он вернется домой с уловом, а похвастаться и некому. Соседи не в счет. Ахнут пару раз, да и весь восторг. Как правило, именно Наталья в течение нескольких дней обеспечивала широкую гласность добытчику, нахваливая всем, кто под руку попадется, необыкновенный вкус и экологическую чистоту пойманных экземпляров, вынуждая знакомых принимать чешуйчатые подарки. Я ее понимала. Кому хочется, чтобы его жизнь надолго превратилась в сплошной рыбный день.

Объявив о своем решении прилететь в Москву тридцатого апреля, Ляна лишила Наташку возможности приобрести авиабилет в Копенгаген на утро этого же числа – момент предполагаемого отчаливания Бориса на Волгу к Тумаковым. Почему-то только у него одного остались исключительно приятные воспоминания о последствиях поездки нашей плохо организованной рыболовецкой артели на рыбалку в район Селигера. Отфильтровались, наверное. А вся негативная муть выпала в осадок. Лично мы с подругой после возвращения домой полгода не могли смотреть на свежую рыбу. Память – такая штука... Увы, фильтры нашей памяти были несовершенны. Весь негатив так и осел в душе.

По мере переговоров с Ляной Наташкина физиономия постепенно вытягивалась, глаза наливались безбрежной тоской, а левая рука нервно ерошила волосы не без попыток их серьезно проредить. Я сразу поняла, что приезд Лилианы Сергеевны из Копенгагена для Наташки испытание еще более тяжелое, чем предстоящая рыбалка Бориса. Тридцатого апреля Наташка собиралась «высечь» мужа, отправившись именно к ней в Копенгаген. На постоянное место жительства минимум в течение недели. Но Ляна ее обскакала.

– Скорее всего, ее муж собрался на рыбалку раньше твоего... – пробормотала я в порядке утешения, одновременно жалея о том, что звонок от Натальиной сватьи прозвенел раньше срока. Еще каких-нибудь пять-десять минут, и Наташка сама послала бы Бориса рыбачить в район Северного Ледовитого океана, чтобы остаться на родине...

Кажется, подруга меня не услышала. Но, наблюдая за тем, как постепенно наливается бодростью ее голос, а на физиономию возвращается замешанная на заманчивых планах радость, я решила, что Лилиана Сергеевна из Копенгагена преподнесла Наташке самый лучший повод для утешения.

– Твоему Сержу тоже не мешало бы навестить Родину, – неожиданно заявила она сватье. – Хотя бы для того, чтобы написать мой портрет. Не для истории, для Лешика, с пояс-

нительной надписью: «Не забуду мать родную!» У вас найдется для моей светлой личности место на стене в каминном зале?... Ах, нет зала... Ну тогда Сержу можно не спешить с поездкой в Россию... – Наташка задорно мне подмигнула и хохотнула в трубку: – Ирочка? Не сумлевайся! Конечно поедет! Вопрос в том, куда на это время денется Ефимов и куда Ирке деваться по возвращении...

Я сразу решила, что никуда не поеду. Но как человек разумный предпочла дожидаться окончания переговоров и только потом в доступной и вежливой форме открыть Наталье маленький секрет – у меня своя голова на плечах. Не стоит принимать волевые решения без совета с ней.

А переговорам не было конца и края. Обе собеседницы мастерски сыпали комплиментами в адрес молодоженов, причем, по всем правилам добропорядочности. Ляна пела дифирамбы Лешику и слегка поругивала дочь, Наталья убеждала сватью, что ее Оленька – самый лучший подарок судьбы Алексею. От которой, как известно, все равно не уйдешь.

– И на фига мне это Датское королевство? – удивилась сама себе Наташка, закончив телефонный разговор на светлой ноте: «А не пошли бы они все в баню!» Не сразу выяснилось, что подруга имела в виду дачные трудовые будни. – Ирка, помнишь слова патриотичной песни «трудовые будни – праздники для нас»? Вот и будем праздновать. Как удачно для тебя все складывается. Хотя бы то, что меня не унесло в Копенгаген. Представляешь, у Ряшковых даже нет каминного зала!

Не разделяя восторга подруги, я уныло таращилась на подоконник, где кустилась рассада каких-то необыкновенно вкусных, если верить Анастас Ивановичу, помидоров, и думала о том, что в Датском королевстве она бы Наташке точно не пригодилась. А мне своей хватает. Наташкину рассаду, конечно, жалко, но просто некуда сажать. В таком случае подруга права – в какой-то мере для меня все удачно складывается.

– Никогда не догадаешься, куда нас пригласили!

– Да хоть на прием в королевский дворец. Все равно не поеду.

– Фига себе... А как ты догадалась?

Я многозначительно промолчала, так как свой вариант ответа считала простой отговоркой. Не признаваться же в случайном совпадении.

– Понятно. Интуиция. А почему тогда не поедешь?

– «Нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свобо-оды», – мрачно пропела я. – Не хочу, вот и не поеду.

– Всего-то на три – четыре дня.

Демонстративно, но неудачно фыркнув, я подняла бурю в кофейной чашке и сразу отвлеклась на последствия. Оставшейся салфетки не хватило, чтобы промокнуть физиономию, а следом и стол, пришлось подниматься за тряпкой.

– Поезд «Москва-Великие Луки». Отправление в восемь вечера, прибытие в семь утра!

– С каких это пор короли стали селиться в Великих Луках? Европы мало? Россия сдала в аренду Псковскую волость?

– Балда! Лянкина хорошая знакомая – умная баба, организовала хороший бизнес. Являясь потомницей... потомкой... Тьфу, ты! И не выговоришь. Словом, она в настоящее время временный венец творения старинного рода какого-то ссыльного графа или князя.

– Почему временный?

– Не перебивай. Видишь, и без тебя путаюсь. – Временный – потому что у нее вроде нет детей. Мне так кажется. С появлением наследника венец перейдет по этапу. Если коротко, как по мобильнику, эта баба на обломках самовластья своего предка построила дворец. Почти в строгом соответствии с оригинальным вариантом. 1-го мая презентация и первый заезд упакованных туристов. Вроде как VIP-персон. Бал-маскарад и прочая фигня. Лянка все доложить не успела, но обещала умопомрачительный отдых. Природа там – обалденная.

Поселимся бесплатно в домике для прислуги... Подожди. Я сказала «для прислуги»? Еще чего! Да я из этой роли много лет подряд не выхожу. Сейчас Лилиане Сергеевне из Копенгагена перезвоню. Она что, своей косметики объелась?! Или – или! Возьмем и не примем предложение.

Наташка прытко рванула к двери, на ходу рекомендовав мне продумать список необходимых для поездки вещей, а также повод, по которому мой дорогой муж может временно выгнать меня из дома. Благодаря массовому заезду отдыхающих, с жилыми квадратными метрами во дворце туго. Перезвонив через десять минут, она с гордостью сообщила, что, несмотря на стойкое сопротивление Ляны, постоянно уводившей разговор в сторону, захватила лучшие апартаменты замка. Лично для нас двоих. Ляна облюбовала домик прислуги – какой-то флигель. Мало того, упорно навязывала свой вариант проживания. Решив воздержаться от гневных вспышек, подруга просто перестала слушать родственницу, время от времени отрывалась от телевизора, подносила щебечущую трубку к уху и агакала. Помнится, меня эта демократичность холеной Лилианы Сергеевны из Копенгагена в части отказа от дворцовых покоев очень насторожила, но, выслушав от Наташки ряд нелицеприятных слов о черной неблагодарности, я смирилась. В конце концов до предполагаемого отъезда оставалось почти полторы недели.

В период праздничного отдыха граждан всея Руси Димка планировал наши совместные полевые работы на даче днем и вечерние посиделки за самоваром с поучительными замечаниями в мой адрес. Надеялся, что мой возраст еще позволяет мне уметь и совершенствоваться. Разрушать иллюзию счастливого отдыха не хотелось. Не оставлять же Димку вместе с бабулей и кошками. Они-то чем провинились? К тому же весенний ветерок вместе с удивительными запахами просыпающейся природы навевал довольно грустные мысли. На пятки наступало время естественных, но болезненных перемен. Дети выросли и им глубоко по барабану полевые работы на даче. У них очередной речной круиз. Наташкин Лешик вообще пашет на чужой «ниве», в чужой стране. Того и гляди, собственный сын вылетит из семейного гнезда и сколотит свой скворечник. Да и Аленька последнее время вся светится и переливается лучшими своими качествами. Ох, не к добру... Нет, надо нам с Димкой держаться поближе друг к другу.

Бросив на полпути к очищению пылесос, я понеслась в спальню к зеркалу – примерять роль бабушки. Собственное отражение мне не понравилось. На бабушку я никак не тянула. Тянула на мать-одиночку, женщину, которая опоздала с замужеством, не важно по каким причинам, и решила наконец сама себе сделать самый дорогой подарок на всю жизнь. Раздавшийся в прихожей грохот и громкое чертыханье переключили мои мысли на то, что Димка в роли деда будет смотреться еще хуже. Вылитый отец-одиночка. Такие обычно пользуются повышенным спросом. Не заметишь, как уведут. Вместе с коляской. Неужели у него нет головы на плечах? Палец о палец не ударю, чтобы удержать! Приползет назад – на порог не пущу. Вот только коляску, пожалуй, надо будет забрать...

– Ирина!!! Ты что, специально пылесос у двери бросила, чтобы я ноги переломал?!

«Ничего! Еще пожалеешь, что не переломал! Может, тогда прозреешь», – мстительно подумала я и резко обернулась, надеясь отразить нападки мужа своим непримиримым видом. Ждать пришлось долго, а Димка так и не появился. Осторожно выглянув из комнаты, я отметила стоявший в стороне от пешеходной зоны пылесос и мешок с торчащими из него железками. Они-то меня и отрезвили – решила, что это какая-нибудь добыча с помойки. Для дачи. Но как бы то ни было – в родной дом, не куда-нибудь. Потом выкину.

В ванной комнате шумели душевые струи – своеобразный аккомпанемент бодрому Димкиному пению. Я хорошенько обругала себя за бестолковость и глупые мысли. И приняла твердое решение – никуда без мужа не поеду. Несмотря на всплески занудства, когда он корчит из себя главу семьи, с ним спокойно, надежно и очень уютно.

Не прошло и часа, как мне, несмотря на стойкое сопротивление, пришлось свое «твердое решение» изменить. Увы, в притащенном Димкой мешке я по технической неграмотности не смогла разглядеть главную тому причину. Ограничилась тем, что слегка пнула его ногой. Он даже не сдвинулся с места, хотя внутри что-то звякнуло.

– Как думаешь, еще не поздно приобрести тебе путевку на белый теплоход? Вместе с детьми, – внимательно изучая содержимое тарелки, поинтересовался Дмитрий Николаевич.

Я машинально сунула в рот пустую ложку, да так с ней и застыла. С продолжением «не заржавело»:

– Борису рекомендовали отличную бригаду. Все спецы, как на подбор. Иришка, мы приступаем к работам по отоплению дачи! За праздники основную часть сделаем. С сегодняшнего дня у нас начинается жесткий режим экономии. Немного дороговато, но цель в данном случае оправдывает средства. В конце следующей недели выберем с Борисом время и завезем оборудование.

– Я что-то плохо понимаю, зачем меня куда-то сплавлять? – пробубнила я, аккуратно положив ложку на стол. – Если в твоей бригаде все спецы, едва ли они спутают меня с трубой или батареей. На отопительный котел я и подавно не тяну. Значит, мое присутствие при монтаже системы не опасно.

– Видишь ли... Впрочем, лучше этого не видеть. Ты будешь смущать пензенских ребят. Они хоть и специалисты, но народ простой. Общаются исключительно с матерной прослойкой, работают как звери и качественно, а после работы... ну, словом, расслабляются. Водку не пьют – у них запасы своего лечебного самогона. Не думаю, что ты выдержишь.

Димка улыбнулся, ободряюще похлопал меня по плечу и снова скрылся в ванной. В прихожей яростно заверещал его мобильник.

– Иришка, ответь, наверное, из реанимации. Скажи, что сей момент подойду, ч-черт, мыло ускакало! Неужели нельзя купить нормальную мыльницу?! Знаешь, что не признаю ваших гелей.

– Ефимовы! – бодро доложила я в трубку телефона.

– Николаич! Твою мать! Чё у ты с голосом? Глянь в мешок...

Уши у меня не завяли, но Димка явно приукрасил манеру «специалистов» объясняться. Матерной прослойки, как таковой, не было, был сплошной мат с прослойкой из отдельных слов. Я так и не поняла, что именно надо найти в мешке, зато в полной мере оценила заботу мужа и опрометью понеслась в ванную.

– Дима!!! – истерично заорала, протягивая ему телефон. – Там требуют отыскать в мешке какую-то б-б-б...

На этой букве я прямо-таки споткнулась.

– Требуют, значит, отыщем, – спокойно поведал мне муж, выхватывая мобильник. – Иришка, шла бы ты, милая, смотреть телевизор. И пылесос убери.

Я кивнула в знак согласия, покосилась на пылесос и шагнула на выход. Следовало немедленно уведомить подругу о своей капитуляции. Лучше дворцовые развлечения, чем курсы расширения лексики под руководством «спецов» из Пензы. Где только в этот момент находилась моя хваленая интуиция? Ну что бы ей организовать мне хоть какой-нибудь легкий толчок в направлении, противоположном моему стремлению!

– Распаковывай чемодан. Мы никуда не едем, – мельком отметив мое появление, пробурчала Наташка.

Подруга сидела за кухонным столом, уложив подбородок на переплетенные пальцы рук, и с тоской следила за полетом вольной мухи. Само появление этой, мягко говоря, недоделанной пташки свидетельствовало о крайней степени Наташиного расстройства. В другое время так бы не полетала. Зачем Наташке лишний рот?

– Твой Дмитрий Николаевич подсутился и организовал нам праздничное мероприятие – работы по устройству отопления садового домика. Нашел каких-то хорошо подкованных в этой области асов, теперь все каникулярное время придется кормить ораву мужиков, мыть посуду и вывозить грязь. А еще выполнять роль глушителя. Ребятки из всех русских слов в совершенстве освоили только матерные. Ну и, само собой, на меня ложится контроль за ходом работ. Должен же кто-то в будущем нести ответственность за недогляд.

– Тебя прорабом назначили?

– Прораб Борис. Я – «рыжая»! Или «стрелочник».

И простая «выскачка». Как только ругань пензенцев достигнет максимального предела концентрации, мне следует выскакивать из места временного заключения и...

– ... глушить!

– Да это как раз самое простое. Заведу общую тетрадь, занесу туда весь бригадный словарный запас и верну бумерангом!..

– Обучи этому простому мастерству собаку. Борис дома?

– Дома. Верстает на компьютере план отопления. Лучше бы на рыбалку умотал.

Я хихикнула и тихо поведала подруге мгновенно сверстанный в собственной голове план освобождения от крепостной зависимости. Через полчаса Борис подвергся массовой атаке Лилианы Сергеевны из Копенгагена. Женщина слезно умоляла дорогого свата уговорить упрямую жену и не менее упрямую подругу жены протянуть ей руки помощи в благородном деле освоения псковской глухомани на предмет открытия там филиала своей косметической фирмы. Борис так и не понял, зачем псковской лесной братии косметика, но отказать Ляне не посмел. Димку этот вопрос вообще не волновал. Ответ на него он нашел сразу: чтобы зверье не облысело! И с энтузиазмом поддержал благое мероприятие. А я невольно задумалась о том, какие сюрпризы порой преподносит судьба. В прошлом году мы с Наташкой по незнанию, осложненному отсутствием времени на обдумывание, не могли разобраться с названием города – то ли Великие, то ли Малые Луки. Пытаясь разве- сти руками «тучи», нависшие над головой приятельницы благодаря ее тетушке Георгиновне, сочинили легенду об отбытии дамы в этот славный город. Теперь твердо знаем: его зовут Великие Луки!

2

Ляна прилетела утром тридцатого апреля. Точно, как и обещала. С тремя огромными чемоданами и двумя набитыми под завязку сумищами, вместимости которых обзавидовались бы все «челноки». Удивительно, но при таком багаже ей удалось сохранить элегантность. Может быть, потому, что его тащили добровольные помощники? Скорее всего, из числа попутчиков, обремененных в поездке только кейсами. Многие сейчас так летают за границу. Утром – туда, вечером – обратно. Обыкновенная рабочая поездка. На плече у Наташкиной родственницы болталась только легкая спортивная сумка. Наташка тут же отметила, что перед нами пример того самого варианта, когда своя ноша не тянет. Лицо Лилианы сияло радостью встречи, молодостью и ухоженностью, фигура – продуманностью диеты. Наташка тут же выдавила сквозь зубы обещание никогда больше на вечерних посиделках меня не объедать. Я, в свою очередь, проявила великодушие и пообещала полгода давиться только седьмой водой на киселе, дабы не вводить подругу в искушение. Наташка удостоила меня кривой улыбкой, на благодарственные слова не сподобилась – начались приветственные речи, лобызания и восторженные «ахи».

Исчезновение Ляниного багажа мы заметили только тогда, когда Наташка со всей прямотой заявила про непродуманную переупакованность родственницы. Безумное количество чемоданов и сумок не согласуется с планами на отдых в течении каких-то нескольких дней. Наташкин обличающий перст ткнулся в совершенно свободное пространство пола.

– Зато теперь оно хорошо согласуется! – с фальшивым оптимизмом выдала я первые пришедшие на ум слова утешения.

– Блин! Быстро на выход! – заорала Наташка. – Ир, держи мою сумку и постарайся не бить ею никого по твердым частям тела, в ней мобильник. Догоним. С такими вещами далеко не убегут!..

Остановить Наташку на полном скаку – дохлый номер. Совсем не то, что остановить коня. Лично я от этого дела предпочитаю держаться в стороне. Если удастся. В какой-то мере на сей раз удалось. В сторону я отлетела сразу же после того, как подруга протаранила мной группу кучкующейся молодежи. На лице Лилианы Сергеевны из Копенгагена, несмотря на организованное Наташкой цунами, никаких отрицательных эмоций не нарисовалось. Только легкая степень удивления.

– Надо же, сколько в Наташе импульсивности, – пожала она плечами и посмотрела на часы.

– И дури тоже хватает, – с опаской поглядывая в сторону выхода, согласилась я. Успела сообразить, что при краже вещей их хозяева так спокойно себя не ведут. – Пожалуй, надо прекратить Натальин спецрейс.

– Да пусть побегает. Может, вспомнит, о чем я ей толковала перед вылетом.

– Ну, в принципе до отхода нашего поезда в Великие Луки времени навалом. Только едва ли Наташка, ударившись в бега за несуществующими ворами, по пути ударится в воспоминания о вашем разговоре.

Ляна, вытащившая было мобильник, мигом забыла о его целевом назначении. Поправив им прядь удачно мелированных волос уставилась на меня. Высоко вздернутые брови свидетельствовали о высокой степени удивления:

– Ты сказала «нашего поезда»?!

Я очередной раз взглянула в сторону двери. На этот раз с надеждой. Вдруг Наталья уже отвоевала багаж у ассистентов Лилианы и с сознанием честно выполненного долга возвращается назад. В каждой руке по чемодану и сумке. Третий чемодан на бестолковой голове. Увы, подруги на горизонте не было. Ни с вещами, ни без.

– Ты хочешь сказать, что вы сейчас со мной не поедете? И нельзя было предупредить меня об этом заранее? Наталья на какую тему со мной «агакала»? Я же специально заказала два микроавтобуса!

– А мы – три билета на поезд до Великих Лук. Один из них твой. Надо же, какая несогласованность. Мы... не успели собраться.

– За полмесяца?!

Огрызнуться я не успела. Вернулись Лянины сопровождающие. Доложив, что все вещи на надлежащем месте, выразили желание сопроводить нас к машине. Ляна оторвала мобильник от бархатной щеки и быстро щелкнула кнопками. В Наташкиной сумке веселеньким маршем заверещал мобильник. Мы с Ляной переглянулись. Умные люди понимают друг друга с полуслова.

Дальше возникли небольшие разногласия. Злая на Наташку Ляна предложила ребятам немедленно прочесать всю прилегающую к аэропорту территорию, дабы отыскать активистку. Я попросила подождать хотя бы еще пять минут, надеясь, что подруга уже выдохлась, начала немного соображать, а посему вот-вот вернется. В здании терминала родственницы не позволят себе громко разораться.

Наталья добровольно не вернулась, и мы покинули свой пост. Терпение Лилианы Сергеевны иссякло в результате подогрева нервным водителем, прибежавшим узнать, когда же мы наконец надумаем ехать. Великие Луки не за Московской кольцевой.

После суматошной беготни Наташку отловили, выделив из большой толпы рядом с платной стоянкой автомашин. В эпицентре сборища подруга нервно описывала двум стражам порядка наши приметы и приметы похитителей багажа. Мне понравилось, что даже в такой напряженной ситуации Наташка обозвала меня красивой шатенкой с зеленовато-серыми глазами. Было чем гордиться. Рядом кучковались зрители, разбившиеся на активных помощников в поиске и просто любопытных. И тем, и другим торопиться было некуда. По приметам нас с Лилианой, а заодно и «похитителей» толпа узнала быстро. Хуже всего пришлось помощникам Ляны. Их живо скрутили в бараний рог...

Не прошло и часа, который в устах угрюмого водителя микроавтобуса Михаила Ивановича означал «полдня», как все утряслось. Багаж из второго микроавтобуса был перегружен в его машину, туда же с постными лицами уселись слегка помятые и потрепанные Лянкины ассистенты, и Михаил Иванович отбыл к месту назначения, куда-то в Невельский район под Великими Луками. Второй водитель, улыбочивый и всем довольный (даже неожиданно пролившимся дождиком) Володя, тут же прозванный нами Вовчиком, обрадовался возможности познакомиться с одним из спальных районов столицы со смешным названием Чертаново. Нам с Наташкой с момента возвращения домой было выделено полчаса на сборы, по истечении которых надлежало стоять внизу у собственного подъезда. С вещами.

Четвертому пассажиру шестого купе пятого вагона сегодняшнего поезда «Москва-Великие Луки» несказанно повезло – мог наслаждаться одиночеством. За все уплачено. Наташка попробовала ему позавидовать, но Ляна погасила зависть в зародыше: если мы все же решим ехать поездом, до конечной дворцовой точки придется добираться пешком или на перекладных телегах. Но последние пятнадцать километров все равно на своих двоих из-за отсутствия попутного транспорта. «Карета» нам подана прямо к носу, и нечего этот нос от нее воротить. Лилиана Сергеевна из Копенгагена, пообщавшись пару минут с боксерихой Денькой и выпив чашечку зеленого чая без сахара, отчалила на микроавтобусе за какой-то Мухаткиной. Владелица дворцовых хором, с которой Ляна связалась по телефону, попросила прихватить женщину с собой.

– Мне кажется, что Лилиана Сергеевна из Копенгагена постоянно давит на наше сознание, – выпроводив родственницу, заявила Наташка, не дав мне улизнуть к себе. – Лучше бы не брала ей билет на наш поезд.

– Лучше бы ты и нам не брала эти билеты. Надо уметь слушать не только себя, но и то, что тебе втолковывают.

– Это ты про ход телефонных переговоров? Да я просто немного отвлеклась на постельную сцену в рекламе. «Икея» спальные принадлежности рекламировала.

– Тебе спать негде?

– Не хаими! Я пыталась подсчитать, стоят ли бараны, шлепающиеся с неба, тех предметов, в которые они оборачивались, грохнувшись о землю. Там еще овчар такой расстроенный бегал. Ну а Лянка заливала мне про свои исключительные кремы и планы на будущее. Я же не Цезарь. Поддакивала ей время от времени. Жалко мне, что ли? За ее деньги... Потом фильм начался. На титрах я и въехала в разговор. Лянка как раз спрашивала, все ли я поняла. Даже обидно стало. Ты ж меня знаешь, тупостью никогда не отличалась.

– Ну и что ты поняла?

– То, что у баранов низкая самооценка! Не забудь мобильник. Ты его на зарядку поставила. И само зарядное не забудь.

Поспешность в сборах оказалась лишней. Ляна полтора часа ожидала сиюминутного выхода из дома госпожи Мухаткиной. Выскочив в назначенное время из подъезда и потоптавшись минут двадцать, мы вернулись домой. С твердым намерением выйти с вещами только тогда, когда «каре́та» действительно будет подана. Лично для меня дополнительное время было временем открытий. Во-первых, я обнаружила свой мобильник на зарядке, во-вторых, прихватила забытый пакет с сухим пайком, в-третьих, вытащила из сумки непонятно как там оказавшиеся семена. А в довершении всего открыла дверь мужу и детям и успела с ними тепло проститься. С детьми – мимоходом, поскольку они опаздывали на свой круиз и размениваться на теплые пожелания в мой адрес не успевали. Вместе с ними исчез мой пакет с сухим пайком.

С мужем я простилась основательно. Он долго не мог понять, зачем нужно ехать на вокзал за семь с лишним часов до отправления поезда. Пришлось терпеливо объяснять, что я порядочная женщина и в своем уме.

В мыслях не держала обманывать железную дорогу и самого Дмитрия Николаевича, купив билет на поезд, но намереваясь ехать на машине. А так как не могла оправдываться в том, в чем не виновата, ни за что ни про что была обвинена в чудовищной лжи и изворотливости по классическому образцу: «О, женщины! Коварство ваше имя!»

Выручила Наташка. Влетев к нам в прихожую с криком: «Карета подана!!!» – и заметив набычившегося Димку, обрадовалась ему, как родному.

– Ефимов!!! Вовремя ты попался мне под горячую руку! А я уж было смирилась с потерями. – Покопавшись в своей сумке, подруга протянула Димке три железнодорожных билета. Жестом великодушной благодетельницы. – Накладочка получилась. Лилиана Сергеевна из Копенгагена виновата, прямо в аэропорту с налету путаницу внесла. Я твоей жене деньги за неиспользуемый ею билет должна. Они тебе на даче пригодятся. Так ты скатай на вокзал, сдай эти бумажки обратно, вычти из общей суммы компенсации полную стоимость Иркиного билета, остальные вручи Боре, и ни в чем себе не отказывайте. Благодарности, конечно, не получу. Ты, похоже, язык потерял. Ну, долго стоять будешь? – Последнее относилось ко мне.

Заметив, что с физиономии мужа сошла великая обида, я тут же примерила эту обиду на себя. И слегка растерялась – не знала, как с Димкой прощаться. Проявить мужественное великодушие и подарить всепрощающий поцелуй в лоб или так уйти? С гордо поднятой головой и перспективой последующего самобичевания... Но тут Наташка рванула меня за руку, рывкнув, что теперь уже поздно вспоминать, что именно я забыла уложить в сумку. Можно подумать, я только об этом и думаю. Простились обычным порядком. Дежурные

поцелуи, немного теплее дружеских. В состоянии всепрощения. Прямо у микроавтобуса, куда Димка самолично доставил наши с Наташкой сумки. Перед этим они с Лянкой долго здоровались и поминали недобрым словом остеохондроз – спутник долгих путешествий.

– Главное, задницу не отсидеть, – философски заметила Наташка, забираясь в машину и здороваясь с колоритной дамой лет пятидесяти. – Нас Наташа зовут вместе с Ириной.

В ответ прозвучало неразборчивое приветствие и «Таисия Мухатская». Женщина, с носом зарывшаяся в воротник объемного голубого свитера, прикрыла глаза, демонстрируя полное нежелание общаться. Я вопросительно взглянула на Ляну. Та еле заметно улыбнулась, подмигнула и беззвучно, одними губами весьма выразительно поправила попутчицу: «Му-хат-ки-на». Наташка громко фыркнула и ехидно заметила в «никуда», что не у нее одной склероз. Хотела еще что-то добавить, но неожиданно ойкнула, закрыла рот, села не туда, куда собиралась – у окна, и притихла.

Вовчик аккуратно тронулся с места. Ляна облегченно вздохнула, заявив, что у нас тут дышать нечем. Димка, грустно улыбнувшись, помахал вслед, и мне тут же захотелось выскочить из машины. Кажется, он это понял.

– Почти сутки не сплю, – пожаловалась Ляна, вертя головой. – Эти сборы ну просто доконали! Володя, ты дорогу хорошо знаешь?

– Обижаете, Лилиана Сергеевна. Сейчас выедем на кольцевую и до Ново-Рижского шоссе, а там напрямик. Можете спокойненько заснуть.

– Не могу, – пожаловалась Ляна, – уж как-нибудь двенадцать часов проболтаем.

«Проболтали» мы от силы полчаса. Ни Наташка, ни госпожа Мухатская участия в разговоре не принимали. Подруга вообще выглядела достаточно странно. С мученическим выражением лица сидела так, как будто аршин проглотила, и смотрела исключительно вперед. Но на мою попытку, вытянуть из ее сумки какой-то журнал, среагировала нормально – дала мне по рукам.

– Терпеть не могу пустопорожних разговоров! – Голос Таисии прозвучал глухо, раздраженно и тоже «в никуда». – Владимир, через пару километров отсюда произошла авария. Пробка еще не рассосалась. Желательно не торопиться, хотя мы и потеряли слишком много времени на долгие проводы.

– Таисия Михайловна, осмелюсь вам напомнить, что вы тоже внесли свою лепту в долгие сборы, – вежливо возразила Ляна, а я подумала, что неприятельниц нажать очень легко, достаточно обменяться выпадами. Пусть даже справедливыми. Да кто ж любит, когда его ставят на место!

Увлекательное путешествие грозило обернуться великим противостоянием в форме всеобщего предгрозового молчания либо громкой междоусобицы. Двенадцать часов такой пытки многовато будет. Я еще раз взглянула на Наташку – странно, но подруга не пришла Ляне на помощь и, игнорируя выпад госпожи Мухатской, активно не принялась за значительно более «пустопорожние» разговоры. Без конца и края. Например, о том, как она разносила туфли меньшего размера, приобретенные исключительно из принципа. Продавщица имела наглость заранее, до примерки, оповестить Наталью, что туфельки ей не подойдут, они на изящную узкую ножку. Выражение муки еще не покинуло физиономию Наташки. На мой наводящий вопрос о причине, она еще больше перекосилась, но ничего не ответила, а затем мое внимание полностью переключилось на дорогу.

На кольцевой в районе Ясенево мы застряли. Не совсем, движение было, но скорость не превышала десяти километров в час. К счастью, не долго. Увидев последствия аварии, мы кроме Мухатской, конечно, серьезно испугались. Загальдели вразнобой. Даже Наташка что-то промышала. Три в разной степени покореженные машины уже отбуксировали на обочину. Одна из них вообще являла собой что-то неопределенное. Капот и багажник всмятку,

срединная часть – горбом. На месте происшествия оставались только работники ГАИ, да и те уже собирались уезжать. Пассажиров в разбитых машинах не было.

– Какая нелепая смерть... – не своим голосом проронила Ляна и, охнув, прикрыла глаза рукой.

Выведенная из столбняка Наташка слегка толкнула меня в бок и скосила глаза влево по максимуму. Ничего, кроме бегущих машин, там не было, а посему я позволила себе выразить негодование:

– Что за конвульсии?

И с запозданием поняла, что подруга имела в виду своими «косыми» глазами.

– Не стоит так переживать, – раздался слева скрипучий голос Таисии. – Все участники аварии пока живы, хотя и в разной степени нездоровы. Множественные ушибы и легкие переломы. Больше всех досталось виновнику аварии, водителю груды металлолома марки «Рено». Он еще не расплатился за машину полностью, деньги вылетели на ветер. Правда, пока об этом не задумывается – увезли в бессознательном состоянии. Алкоголь не лучший спутник автомобилиста. Зато его жена очень задумывается.

– С вами, Таисия Михайловна, просто страшно становится, – разволновалась Ляна. – Мне Ольга говорила – я не верила. Капитулирую. У вас действительно сверхъестественные способности. Неужели вы все это предвидели? Честное слово, прямо мурашки по коже...

– Разумеется, предвидела. Поэтому и сделала вам замечание. Еще не до конца ясны были последствия аварии. Вы мне мешали.

– Уважаемая Таисия Михайловна, а вы мне не подскажете, может ли моя металлическая кастрюлька гречневой каши послужить источником возгорания в квартире, если каша безнадзорно будет томиться на минимальном режиме электроплиты в течении трех-четырех часов? – вежливо поинтересовалась Наташка.

– Не может! – отрезала госпожа Мухатская. – Вы слишком педантичны, электроплиту выключили.

Наташка облегченно вздохнула и расслабилась.

– Точно! Я еще щелкнула собаку по носу. Ир, чувствуешь разницу между мной и тобой? В отличие от тебя я никогда и ни о чем не забываю.

– Даже о том, что запасные ключи от твоей квартиры висят у нас в прихожей и портят дизайн? Достаточно было позвонить Димке и...

– Еще не хватало! Мне не нужны неоплатные долги, а твоему Димке незаслуженная «Минута славы». За мой счет. Таисия Михайловна...

– Просто Таисия.

– Как скажете. Таисия, я вам очень благодарна. Вы волшебным образом избавили меня от невыносимых мучений. Желаю вам хорошо отдохнуть от вашего нелегкого умственного труда.

– Благодарю вас, но я еду не отдыхать, а работать. По настоятельной просьбе Ольги Леонтьевны. К сожалению, обстоятельства вынуждают стать штатной единицей в группе лицедеев и брать за свой труд ясновидящей деньги в виде заработной платы.

Госпожа Мухатская страдальчески вздохнула и умолкла, отсчитывая время, положенное на душевное переживание. Я попыталась осмыслить ее слова и поняла их по-своему. Как позднее выяснилось – ошибочно. Полагала, что под группой лицедеев ясновидящая имела в виду весь дворцовый обслуживающий персонал. Все-таки вредная она баба! Последняя мысль родилась стихийно, и я испугалась. Предсказательница наверняка перехватила ее с лету. На всякий случай пришлось закрыть глаза. Пусть видит, что сплю. А во сне мало ли что в голову взбредет.

Вот так мы с Наташкой поменялись ролями. Я умолкла, а она разговорилась. В основном на тему, куда нас нелегкая несет.

– Натали, душа моя! Я же тебе все русским языком по телефону объясняла! – возмущалась Лилиана Сергеевна. – Моей приятельнице Кречетниковой Ольге Леонтьевне пришла в голову очень умная мысль – организовать туристический бизнес на базе старых развалин бывшего дворянского гнезда ее предка графа Кречетникова Михаила Никитича, но с этими развалинами ничего не получилось, поэтому...

Слева возмущенно завозилась и засопела ясновидящая Мухатская, демонстрируя свое полное несогласие со словами Ляны.

– Что такое, Таисия Михайловна? – сквозь зубы поинтересовалась Ляна. – Вас что-то не устраивает?

– Меня не устраивает явная ложь в вашем пояснении, – негодуя фыркнула прорицательница. – Во-первых, генерал-аншеф Кречетников, женатый на Анне Ивановне Дуровой, увы, не оставил потомства. Во-вторых, он даже не успел узнать о пожалованном ему звании графа – скончался за день до гонца, прибывшего с радостной вестью. И не оставил завещания о передаче титула своим родственникам – старшему брату Петру или племяннику. Правда, в утешение Петру Никитичу, служившему астраханским губернатором, досталось по наследству богатое калужское имение покойного. А в третьих, на Псковщине у Михаила Никитича никакого поместья не имелось. Он и всего-то губернаторствовал там три года.

– Ну и что? – Наташка вспомнила о долге поддержать родственницу. Она полуобернулась к Мухатской. – Во-первых, у Кречетникова могли быть внебрачные дети. Во-вторых, это не наше с вами дело обсуждать личную жизнь пожилого заслуженного покойного графа...

– В-третьих, администрация пошла Ольге навстречу и на выгодных условиях предложила в долгосрочную аренду другие графские развалины, – вмешалась Ляна и снова развернулась к нам. – Представляете? С правом выкупа. Арендная плата засчитывается в стоимость строительных и ремонтных работ.

– Жаль, что она не из рода Брянчаниновых, – с сарказмом воскликнула Таисия и окончательно вылезла из своего воротника. – Могла бы претендовать на развалины дворца графа Николая Брянчанинова в Старых липах. По крайней мере, там остались две сторожевые башни...

– Ну разумеется! И старое здание, в котором находится психоневрологический интернат! Девушки, вы были в Старых липах?

Наташка озадачилась:

– Мы похожи на психов? Да если на то пошло, у нас в Москве свой «дворец» имени Кащенко имеется.

– Да кто бы возражал! Натали, последнее время ты меня совершенно не понимаешь. Два года назад, когда Ольга подыскивала подходящее место, мы с ней ездили в бывшее имение Брянчаниновых. После графа Николая Старыми липами владел его сын Александр. Женившись на княгине Горчаковой, он перестроил отцовский дворец. Можно только представить, какая там была красота...

– Для психов! – влезла Наташка.

– Психи появились потом! Во время революции. Это ж как надо было сбрендить, чтобы превратить сказочный дворец в развалины, а оставшееся приспособить под склад! Сто двадцать комнат! В разных стилях: русском, французском, египетском... Красная комната, белая, библиотека, картинная галерея... На самой территории имения – двадцать ручную выкопанных прудов, соединенных каналами! Только вообразите себе: садитесь в лодку...

– И она переворачивается... – мрачно закончила Наташка. – Еще расскажи про чудесные экзотические растения, которые на корню погубил огонь революции. Не надо о грустном. Вся страна на растопку пошла. Вот что наделала одна «Искра», из которой возгорелось пламя! Надо быть осторожнее с огнем. Ир! Хватит притворяться! Можно подумать, и в самом деле спишь. Ты слышала что-нибудь о графях Брянчаниновых?

– О графах, – открыв глаза и делано зевнув, поправила я подругу. – Если не ошибаюсь, родоначальник фамилии Михаил Брянк – сподвижник Дмитрия Донского. Активный участник Куликовской битвы.

– Надо же... Не ошибаешься, – удивилась Ляна. – Откуда тебе это известно?

– Да она в прошлой жизни тоже была активной участницей Куликовской битвы – лошадью активного ее участника Михаила Брянка, – захохотала Наташка.

Я скромно промолчала. Не стоит морочить людям голову рассказом о том, как мой заботливый муж готовил меня к поездке: прокладывал на компьютере маршрут нашего путешествия и посвящал в факты исторического прошлого земли Псковской.

Удивившись тому, что провидица умолкла, не рассекретив источника моих знаний, я краем глаза покосилась в ее сторону. Она сидела в наушниках и, прикрыв глаза, напряженно что-то слушала. Скорее всего, классическую оперу с трагическим концом. Красивое, немного расплывшееся лицо было сосредоточено. Даже брови нахмурились. Наташка покопалась в своем пакете, выудила фирменные булочки с яблоками и принялась навязывать их всем, кроме Таисии, заявив, что ясновидящей очень некогда, наверняка осваивает курс иностранного языка. С самого начала было ясно, что мы говорим на разных языках.

3

– Похоже, с одной бедой в России вопрос постепенно решается. Вот что значит федеральная дорога! Автобан! Взлетно-посадочная полоса, а не Ново-Рижское шоссе. Придорожных деревень мало, не к кому в садик заглянуть, обругать садовый дизайн. И гаишники, как вымерли, – радовалась Наташка, кивая головой в такт мелодиям на волне «Автордио».

– Едва ли с прошлой моей поездки что-нибудь радикально изменилось, – зевнула Ляна. – Я имею в виду обе российские беды. После Волоколамска дорога будет хуже.

– А при чем тут вторая беда? Хочешь сказать, что в России по-прежнему живут одни дураки? Ну так я тебя расстрою – основная масса уже выехала, обосновалась за границей и дурачит другие страны и континенты. Есть серьезные опасения, что находящиеся в своем уме иностранцы в скором времени рванут в Россию. Они-то и решат проблему наших дорог.

За Волоколамском трасса сузилась до размера одnorядной. Один ряд в Ригу, второй – обратно. Скорость движения резко снизилась. Обгон большого количества фур с польскими и прибалтийскими номерами на «узкоколейке» был проблематичен.

– Ну, что я говорила! – с торжеством выдала Ляна.

– А чему ты радуешься? – всколыхнулась Наташка. – Можно подумать, что инспектируешь дорогу сверху на вертолете, а не трясешься рядом с нами. И если уж на то пошло, это шоссе – наш ответ прибалтам на притеснение русскоязычного населения...

Дорога стала невероятно тягостной. Под легкое ворчание родственниц, вписывавшегося в музыку радио стилем «рэп», я задремала.

Проснувшись после Ржева, отметила, что все мирно спят. Разумеется, кроме Вовчика. Даже мой мобильник вырубился. Не долго думая, уселась поудобнее и опять заснула. Разбудила меня мышинная возня. Наташка лазила по пакетам в поисках бутылки с минеральной водой и тихо чертыхалась.

Мягко шуршали шины по гравию. Асфальт кончился, свет фар выхватывал из темноты придорожные кусты и деревья. Иногда между ними показывалась луна, летевшая за нами вдогонку. Дорога шла лесом. Ночь очарования ему не прибавила. Я подумала, что ни за какие коврижки не согласилась бы сейчас выйти из машины. Даже в компании спутниц. Стало как-то не по себе.

– Вовчик, где это мы? – шепотом спросила я у водителя, и мне ответили все три спутницы: «Скоро будем на месте». Тоже шепотом.

– А где же Великие Луки? – громко поинтересовалась я.

– Лучше скажи, куда делась вода? – рявкнула Наташка.

– Да скоро будет, – отозвался Вовчик. – Здесь, к югу от Великих Лук, полно озер.

– На фига ж мне так много воды? – Наташка озадачилась и временно прекратила поиски.

Я перехватила эстафету и выудила пластиковую бутылку, придавленную мной в кресле. Наташкиному возмущению не было предела. Сначала ей показалось, что я над ней просто издеваюсь, затем – издеваюсь изощренно. Видите ли, согретая теплом моего тела вода имела противный вкус. Нормальный человек, нормально страдающий от жажды, капризничать не будет. Это я ей и продемонстрировала, выхватив бутылку у нее из рук и допив остатки. Ох, она и завопила!

– Тише. Бабочек разбудишь.

Мне хотелось мирно загасить пламя Наташкиного гнева. Как бы не так! Оно взметнулось выше могучих елей, стоящих на страже спящего леса. И переметнулось на Лянку, по доброте душевной предложившей Наташке испытать из ближайшей канавки. Место экологи-

чески чистое. В таких лужицах даже пиявки водятся. А они-то уж точно абы где резвиться не будут.

– Тут не только бабочек, все привидения во дворце распугаете, – заявил Вовчик, воспользовавшись передышкой Натальи: надо же было ей набраться духа для продолжения сольного ора.

Набраться-то она его набралась, но по назначению не использовала. С шумом выдохнув весь воздушный запас, не своим, тоненьким голоском поинтересовалась:

– Каких привидений?

Вовчику ответить не дали. Ляна очередной раз возмутилась. В отличие от Наташки очень интеллигентно и тем выгодно оттеняя свое выступление:

– Мадам! Я все о том же! Вы, вообще, слушаете людей? Для кого, собственно говоря, я надрывалась из самой Дании, рассказывая об Ольгином проекте?

– Для кого? – ошалело прогудела Наташка, теряя нить разговора.

– Мы почти приехали. Утром поговорим. – В голосе Ляны звенели нотки обиды, но они быстро трансформировались в озабоченность: – Да что же это такое! Почему Ольга не отвечает на звонок? В третий раз названиваю!

Наташка все же собралась что-то сказать, но так на «Я-а-а...» и застряла. Фары высветили резные металлические ворота и стену небольшого домика. Над воротами красовалось название конечного пункта нашего путешествия: «Пансионат “Дворцовые тайны”». Небольшой домик служил, скорее всего, помещением для охраны. Вовчик остановился и посигналил. Мгновенно у ворот как из-под земли появился мужчина в белом парике, белых чулках, одетый в красную ливрею. На ногах у него почему-то красовались пластиковые тапки. Исчез он так же неожиданно, как и появился, что тут же сказалось на состоянии ворот – они уехали влево, освободив проезд. Микроавтобус немного напрягся, и мы оказались на территории.

– Нет-нет! – замахала руками и заерзала Ляна, заметив, что Вовчик почти повернул вправо. – Давай сразу во дворец. Я так и не смогла дозвониться Ольге с уточнениями. Поэтому вначале разместим Таисию Михайловну и Ирину с Наташей, чтобы моя душа была спокойна, а потом ко мне в келью.

– Как скажете. Только, если можно, побыстрее. Нам с Михаилом Ивановичем к семи утра надо быть на железнодорожном вокзале в Великих Луках. Туристов встречать. Хоть пару часиков бы покемарить.

– В таком случае мы все выгрузимся здесь, а ты поезжай. Мою сумку закинь во флигель, оставишь прямо в коридоре.

– Да ладно, пять минут ничего не меняют.

Машина мягко притормозила у массивного здания. Никакого намека на парадный подъезд. Темно, хоть глаз выколи. Такое впечатление, что машина необитаема. Наступившая тишина щедро разбавилась легким похрапыванием. Этот признак беззаботного существования в ладу с самой собой исходил от провидицы. Дар ясновидения храпел вместе с ней, иначе она бы давно осознала, что мы на месте.

Ляна первая двинулась на выход, искусственно производя больше шума, чем следует, и заглушая сольное пение соловья, не иначе как состоявшего в штате Ольги Леонтьевны:

– Девушки, вход только с черного хода. Парадный откроется утром. Володя, звони в дверь, а я помогу приятельницам с вещами.

Я так и не поняла, когда проснулась госпожа Мухатская и каким образом она ухитрилась первой вломиться во дворец. В узком коридоре горели светильники, косящие под свечи в подсвечниках. Света от них было немного. Встретила нас взлохмаченная заспанная девица в длиннополрой хламиде, наизнанку накинутой на что-то белое. Судя по всему, на ночную сорочку. Хламиде явно не хватало отделки горностаем. Лучше искусственным. Зачем губить невинное животное! Бледное лицо встречающей оставалось в тени. Но даже спросонья она

соображала неплохо. Не трудно было догадаться, что девушка совсем не рада нашему визиту, но нам предъявлять претензии за столь поздний заезд не решилась. Пробормотав нечленораздельное «Здрасс...», отыгралась на Вовчике:

– Кто распорядился? Почему так поздно? Скоро рассветет. Я не могу...

Не глядя на нее, он отмахнулся, подхватил наши сумки и направился вперед, на ходу потребовав сообщить ему номера комнат, накормить гостей поздним ужином или ранним завтраком – что «мадам» больше нравится. Девушка глухо что-то пробормотала, попыталась изобразить радушие, но улыбка вышла слишком кислой.

– Я не собираюсь травиться остатками с вашего стола, – заявила ей провидица. – Будьте любезны пропустить, я знаю свой номер.

– «Всяк сверчок знай свой шесток!» – неожиданно вырвалось у меня.

– Вот-вот, скажите, где наш находится. Шесток этот. Нам не до ужина, а о завтраке вообще страшно подумать, – поддержала ясновидящую Наташка и с сомнением оглянулась на Ляну, топтавшуюся снаружи: – Дорогая моя, у нас точно двухместный номер?

Та даже ответить не успела.

– Поселите женщин в комнату, которая напротив меня, – приказала Мухатская.

Обрадованная тем, что так легко от нас отделяется, девушка представилась Полиной и напомнила Ляне, что ее место во флигеле. Затем выказала желание немедленно проводить «остальных дам» в апартаменты. Обрадованный Вовчик бросил наши вещи на пол и шустро полетел к выходу, прихватив с собой Ляну. Уже из машины они тепло с нами попрощались. Полина закрыла дверь черного хода.

До своих номеров, как мне показалось, мы добирались долго. Сначала по широкой двухмаршевой лестнице, украшенной ковровыми дорожками. При этом мы с Наташкой следом за Полиной поднимались по правой стороне, а госпожа Мухатская – по левой. На третьем этаже восхождение закончилось и все мы, повернув направо, двинулись по длинному, слабо освещенному, как и лестница, коридору. Ясное дело, люди давно спят. Не стоит устраивать иллюминацию.

Первой отпочковалась Таисия, демонстративно не позволив никому из нас заглянуть в ее комнату. Даже Полине, намеревавшейся провести там краткую обзорную экскурсию.

– Свободны! Без вас разберусь!

Ясновидящая захлопнула дверь, прищепив Полине бархатную хламиду, косящую под безразмерный халат, приобретенный в Турции на Восточном базаре. Окончательно проснувшаяся девушка беспомощно смотрела на свою одежду, не решаясь постучать в дверь. И едва Наташка собралась вмешаться, угрожая устроить дворцовый переворот за явное ущемление чужих интересов, дверь слегка приоткрылась и Полинин халат обрел свободу. Сама дверь тут же закрылась.

– Не иначе как наша ясновидящая случайно нацепила очки! – громко сказала Наташка, и ее голос эхом прокатился по коридору. Я невольно вжала голову в плечи, сама Наташка испуганно вцепилась мне в плечо. – О, блин! Слова не скажи, – прошептала она.

– Акустика, – миролюбиво доложила нам Полина, почтительно склонив голову. – Время от времени создается такой эффект. Пойдемте. Ваша комната крайняя слева.

– Такое впечатление, что в этом замке никого, кроме нас, нет, – испуганно оглядываясь, тихо произнесла подруга.

– Так никого же и в самом деле нет. Спите спокойно. Заезд туристов только завтра.

Полина порылась в своей необъятной исторической шмотке, вытащила связку ключей и один из них протянула нам.

– Попробуйте открыть комнату сами. Некоторые ключи заедает. Сначала думали сделать магнитные карточки, но дизайнер сказал, что они будут противоречить общему замыслу и всей обстановке дворца.

При этих словах светильники в коридоре заморгали и выключились.

Мои руки немного дрожали, и я никак не могла указать ключу его место. Пришлось передать это дело Полине. Она распахнула перед нами дверь, щелкнула выключателем и тут же отступила в коридор, прошепестев пожелание: «Покойной ночи». Кажется, мы забыли попрощаться...

Небольшая комната, метров пятнадцать-шестнадцать передавала нам поклон из середины XVIII века.

– Рококо... ко, блин! – ахнула Наташка, роняя свою сумку на пол.

– Я бы даже сказала – рококо!

Мой комментарий сопровождался мягким шлепком. У Наташки выпал из рук и пакет.

– Недоделанный! – уже без восторга отметила подруга, повернув голову налево. – Замусорили стиль кроватями. Может, они переходного периода? От барокко последней стадии к рококо. Прямые линии, симметричность, никакой изысканности... Да нет, для барокко тоже слишком простоваты. И тогда дээспэшных материалов не имелось, предки натуралами были, предпочитали спать на настоящем дереве. Я не имею в виду обезьяний период развития человечества. Впрочем, тогда общество кишело, пожалуй, еще большими натуралами. «Наш дом – коммунальная пещера!»

Две простые белые кровати были слишком современными и не совсем вписывались в интерьер. Но «бельмом» не выглядели, поскольку прятались под вычурными балдахинами из искусственного шелка нежно-голубого цвета, расписанного пасторалями. Я невольно подумала о возможной духоте. Наташка – тоже, ибо, не долго думая, стянула их к одной стороне. Такая же ткань с такими же сценками из пастушеской жизни украшала декоративные подушки, плотно задвинутые портьеры и два стула с изогнутыми изящными ножками. Пастушки на сиденьях были надежно защищены от, так сказать, внешнего давления полиэтиленовой пленкой.

– Фига себе! – скривилась Наташка. – Можно подумать, раньше они боялись вывозиться где угодно и об кого угодно, только не на скотном дворе или пастбище. И овцы у них гадили исключительно в оригинальную упаковку, вакуумную, пластиковую, ароматизированную дезодорантами и туалетной водой. Смотри, какие красивые рамки на гобеленах! Золоченые. Блин, ну все кругом завивается! Даже стены в выкрутасах. О! Ир, а обратную сторону гобеленов не продумали. Там черная метка современности – какое-то ЗАО «Олимп». Похоже, эта олимпийская сборная и над всем остальным материалом поработала. А сия белая с позолотой дверь наверняка ведет в ванную обитель. Если и там пастухи...

Наташка скрылась за дверью, и в ту же минуту раздался ее возмущенный голос:

– Пастухов и пастушек нет, воды – тоже. Выпили всю вместе со своей отарой. Зато кувшин имеется. Боюсь, придется нам за водой к какому-нибудь источнику бегать. Хорошо, если он не очень далеко. Ай!!!

Из ванной комнаты Наташка выскочила с достаточно подмоченной репутацией первоходца:

– Ты там осторожнее. Представляешь, никакого рококо! Все на фотоэлементах. Откручивать и ломать ничего не надо. Сунешь руки под кран, он сам все сообразит. И вообще, хватит шлаться.

Сил на достойный ответ не нашлось. Какое там шлаться! Да я как вошла так встала как вкопанная. Только головой по сторонам вертела. Вот уж не думала, что устану до такой степени. От десятичасового с хвостиком безделья. Взглянув на часы – разумеется, в стиле рококо, – отметила, что они стоят. Стрелки парализовало на цифре двенадцать. Пухленький купидон, вольготно опиравшийся на циферблат, нахально улыбался. Непонятно откуда доносился слабый запах валерианы и еще чего-то знакомого. Наверное, где-то лежит саше.

4

Это было сказочное утро! От золотых солнечных лучей, потоком льющихся в два высоких узких окна, невольно щурились глаза. Небо того же легкого голубого цвета, что и тканевые портьеры, курчавилось маленькими облачками. Точь-в-точь белые овечки на пасторах. Все это утреннее великолепие прекрасно вписывалось в общую обстановку комнаты. Белое с голубым, плюс позолота. Воображение дорисовывало картину за окном холмами, группами кудрявых деревьев...

На своей кровати под однобоким балдахином завожилась Наташка:

– Что? Труба зовет? Который час?

– Двенадцать, сударыня, – с удовольствием сказала я, подмигнув вечно бодрствующему на часах Купидону.

Возня на кровати усилилась и из-под одеяла высунулась Наташкина голова:

– Бли-ин! Счастье-то какое! Завтрак не надо готовить. Ой, я так хорошо выпалась... – Подруга со вкусом зевнула и потянулась. – Честное слово, первый раз так качественно дрыхла на новом месте. Ты чего блаженно улыбаешься?

Разговаривать не хотелось. Не отвечая, я кивнула головой в сторону окон, приглашая Наташку полюбоваться очень добрым утром.

– Фига себе! А как это тебе удалось так удачно открыть портьеры? Шторами их даже неудобно называть.

– А я их и не открывала, – удалось мне выдавить сквозь зубы, продолжая улыбаться и щуриться.

– А кто ж их открыл? – озадачилась Наташка. – Ну никакого налета романтичности у девушки! Могла бы соврать насчет легкой на ноги служанки.

– Да что ты ко мне цепляешься? – Щуриться я перестала, потому что сменила точку зрения – сфокусировала взгляд на Наташке. Солнце из нее никакое. Но я по-прежнему улыбалась. Конкретно – утру в стиле рококо.

Наташка ничего не ответила, быстро соскочила с кровати, босиком прошлепала к входной двери и подергала ручку.

– Интере-есно! Дверь закрыта, а окна голые... Кто это сделал?

– Наверное, Полина.

Моя улыбка погасла, поскольку к вопросам быта она не имела никакого отношения.

– Ну да. Просочилась через закрытую дверь, в замочной скважине которой с ночи торчит ключ. Вот, смотри: ломлюсь наружу, а не получается. А теперь поворачиваю ключ и... тоже не получается!

– Дверь вовнутрь открывается.

– Сама догадалась. Фига себе! Стоило к двери подойти, сразу гости нарисовались. Доброе утро, девушки! Проходите, не стесняйтесь, мы сейчас. Ир, хватит балдеть. Лилиане Сергеевне из Копенгагена спалось хуже, чем нам. Вот она раньше нас и вскочила. Я думаю, ничего страшного в том, что встречаем вас в пижамах, нет.

– Привет!

Ляна бодро прошла к окнам и обернулась. Следом за ней шла приятная молодая женщина, с рыжеватыми волосами, собранными на затылке в замысловатое переплетение. Прическа открывала красивую шею. Как мне показалось, женщина была несколько смущена.

– Знакомьтесь – моя младшая подруга детства Оля. В официальной обстановке Ольга Леонтьевна – владелица этого роскошного дворца. Оль, та особа, что босиком торчит у двери и не сообразит ее закрыть, моя Натали или Наташа. А та, что пытается встать с кровати,

запутавшись в одеяле, – Ирина. Я их обожаю. Девушки, соберитесь с мыслями и подтвердите, что вчера вам обеспечили достойную встречу. Накормили, напоили и спать уложили.

– Могу подтвердить достойную встречу, но мы никого не объедали. Как-то не хотелось. В принципе, спать мы себя тоже сами уложили, – охотно пояснила Наташка. – Тем не менее надо поблагодарить Полину...

– Какую Полину? – живо поинтересовалась Ольга. – У меня в штате нет ни одной Полины.

Я решила предупредить грядущее Наташкино выступление, которое должно было убедить присутствующих, что она всегда в своем уме и провалами памяти, как некоторые администраторы, не страдает.

– Возможно, девушка спросонья просто забыла, как ее зовут. Но ведь это не сложно проверить – кто из обслуживающего персонала ночью дежурил по дворцу?

– В том-то и дело, что никто. – Ольга нервно поправила рукой прядь волос. – Здание было закрыто, ключи находились у меня до сегодняшнего утра, когда я передала их дворецкому. Вам с вечера была приготовлена комната во флигеле... Ничего не понимаю. Вы можете описать эту девицу?

– На ней было длиннущее подобие халата. – Наташка впала в замешательство. – И на фи́га таскать такую хламиду? Только спотыкаться. Лицо... Право слово, лица не помню.

– Но оно было очень бледное, – продолжила я описание Полины. – Очевидно, не успела смыть пудру. В стиле рококо... ко. Еще, кажется, следовало быть искусственному румянцу на щеках и какой-нибудь мухе... В смысле, мушке. Насколько мне известно, вначале эти рукотворные насекомые использовались как средство маскировки прыщей... Господи, я тоже не помню ее лица!

– А мы с Володей его вообще не видели. Он, по-моему, в силу специфики своей работы и семейной жизни вынужден обращать внимание исключительно на дорожные знаки. Жена так воспитала. Сразу вещи наших девушек подхватил и... почти тут же бросил. На выход тоже летел, не оглядываясь. А я вообще оставалась на улице. Но, уверяю тебя, наших девушек действительно встречали. Только не знаю, кто.

– Подождите, ведь есть еще госпожа Мухатская! – обрадовалась я. – Она-то уж точно все знает.

– Да к этой Мухаткиной даже на козе не подъедешь, – вяло отмахнулась Ляна. – Мы ее только что видели внизу – завтракала в одиночестве и на полном серьезе заявила, что лично ее никто не встречал. Оль, как она сказала?

– «Из ничего чего не бывает»... – Ольга очередной раз поправила выпавшую прядку волос и нахмурилась: – Да бог с ней, с Мухаткиной. Думаю, она в силу своей должности и профессии просто выпендривается. Или слишком хорошо вошла в роль. Наверное, это правильно. Пусть спокойно занимается своим делом. Хорошо спали?

Нахмуренные брови Ольги разгладились, появившаяся на лице задорная улыбка украсила приятное лицо. Мы с Наташкой переглянулись и дружно кивнули, соглашаясь с тем, что спалось нам замечательно.

– А вот я почти не спала. Переволновалась. Все из-за этого открытия, скорее бы оно открылось. Ну что, завтракать? Лучше у меня. На кухне запарка – готовятся встречать первую партию туристов. – Ольга взглянула на часы. – К двум подъедут. Сейчас у них обзорная экскурсия по Великим Лукам. Вы приводите себя в порядок, а мы с Ляной вас на выходе подождем. Спуститесь по парадной лестнице. Погода сегодня – чудо. Да! В номере ничего убирать не надо.

– А ключ?

Судя по тону, подруге не хотелось с ним расставаться.

– Если не боитесь потерять, можете взять с собой. Но я бы посоветовала сдать его дворецкому. Вторые ключи от номеров только у горничных, а это очень честные люди.

Через полчаса мы с Наташкой спускались вниз. Достаточно медленно, поскольку глазели по сторонам. На площадке нашего этажа между лестничными маршами имелась неглубокая ниша, украшенная скульптурами Аполлона и Афродиты. Сравнение с прекрасной и довольно плотной красавицей было не в нашу пользу. Хотя бы и в возрастном плане. Наше время пребывания в этом мире ограничено, ее – нет. Вечный эталон вечной молодости и своеобразной красоты. На стенах лестничных пролетов висели картины в резных позолоченных рамах. В основном это были портреты – наверняка результат творчества современных художников, умело «состаривших» полотна. Но как бы там ни было, лица героев картин казались живыми. Мне вдруг пришло в голову, что все эти люди вместе со своими любимыми собаками жили когда-то здесь полноценной жизнью, не задумываясь о быстротечности времени. Любили, ненавидели, кому-то завидовали, к кому-то были равнодушны. О чем-то мечтали, на что-то надеялись, теряли и обретали...

– Несчастные, у них даже телевизора КВН не было, – вздохнула Наташка. – И ведь обходились без всяких там сериалов. Впрочем, мы с тобой тоже без них обходимся. Да и что это за жизнь – от одной серии до другой! Своих забот по горло, на фига переживать за чужие, да еще выдуманные? Ир, хватит сочувствовать дворянскому сословию. Оно хорошо пожило. Почти со всеми удобствами. Лянка от голода озверевает.

Наташка потащила меня вниз в солнечный холл, и все бы ничего, но сбега по ступенькам, я из упрямства все-таки бросала мимолетные взгляды на полотна. Загнать по ступенькам к подножию лестницы мне не позволил инстинкт сохранения себя в оригинале, то бишь такой, какой сюда приехала. Свободной рукой я схватилась за резные перила с затейливыми завитушками по бокам, а вторую, зажатую в клещи Наташкиной дружеской рукой, с силой рванула на себя. В конце концов это моя собственность. Не могу сказать, что уселась на ступеньку удобно и безболезненно, но все же лучше, чем Наташка. Я сразу поняла, почему нельзя резко тормозить на скоростной дороге на полном ходу. Лучше один раз увидеть в смягченном варианте... Прежде чем присесть неподалеку от меня, подруга развернуло и припечатало к стене, по которой она мирно и съехала на ступеньки, ухитрившись занять сразу несколько. Какое-то время она на меня любовалась. А я таращила глаза на висевший немного в стороне от Наташкиной головы портрет. Наверное, мой взгляд был достаточно безумен, подруга поняла его по-своему. В буквальном смысле не желала ничего лишнего на свою голову, поэтому не стала тратить время на подъем. Просто довольно шустро отползла ко мне. Так мы и сидели, как в кинотеатре, она пониже, я повыше, и теперь уже вместе таращились на портрет Полины...

Не могу сказать, что ее хламида тускло-бордового цвета с краплением золотых завитушек выглядела новее, чем сегодняшней ночью. И она по-прежнему нуждалась в отделке горностаем. Просто рисованным – по памяти. Волосы Полины, сидевшей в кресле, русыми волнами струились вниз. Лежащий у нее на коленях парик, несмотря на украшение в виде корзины с фруктами, значительно им проигрывал. Со всей очевидностью, девушке на портрете было холодно. Хламиду она натянула, чтобы согреться. Под ней было серовато-голубое платье, украшенное тонкими кружевами. Кусочек его виднелся между полами хламиды и из задравшегося широкого рукава. Рука безвольно лежала на столе рядом с затейливой шкатулкой с открытой крышкой. Шкатулка, кажется, была пуста. Наверное, художнику надоело детально выписывать это чудо в стиле рококо и заполнять ее драгоценным содержимым он не стал.

Выражение лица Полины точному определению не поддавалось. Радости, легкого кокетства в духе все того же рококо в нем определенно не наблюдалось, горя – тоже. Корзина с фруктами выглядела счастливее. В обладательнице этого шедевра угадывались обречен-

ность и покорность неласковой судьбе. Под стать ей был и фон картины. Никакого истинного «рококошества» в пейзаже за высоким окном. Печальное небо, печальные холмы и пышные, но грустные деревья.

– К-как д-думаешь, сколько этой девушке лет? – не сводя глаз с портрета, спросила Наташка.

– Так долго не живут, – тихо ответила я.

– Ну что вы там уселись?!

Голос Ляны показался очень резким. Меня невольно передернуло, тем более что мое внимание на картине привлекли часы с хитроватым амуром – не очень похожие на те, что стояли в нашей комнате. Амур явно вознамерился поразить кого-то странной стрелой из странного лука. А вот располагались эти часы на каминной полке – точной копии нашей – справа от столика, у которого сидела Полина.

– Не ори, – слишком спокойно ответила со своих ступенек развития событий Наташка. – Не надо орать. Здесь не зал заседаний думы. Сидим себе и сидим. Если тебя не затруднит, пригласи свою Ольгу Леонтьевну. Мы только что обнаружили доказательство вечной жизни.

– Это у вас от голода. После завтрака пройдет.

Наташка помотала головой, не допуская и мысли о таком исходе.

– Петр Александрович! – крикнула Ляна, не оборачиваясь. – Будьте добры, попросите Ольгу Леонтьевну вернуться.

Ольга вернулась не одна, а в окружении целого хоровода молодежи, одетой по моде XVIII века, но общавшейся между собой без всякого «плезира». Исключительно на современном сленге. На нас никто внимания не обращал. Правильно Наташка сказала – «сидим себе и сидим». Оживленная толпа тут же рассыпалась в разные стороны, два молодых человека, не хуже горных козлов, пронеслись вверх по лестнице мимо нас. Лицо Ольги было очень радостным, просто лучилось довольством. Когда Ляна обратила ее внимание на наше «заседание», она подняла голову и помахала нам рукой, предлагая спускаться дальше. Не тратя времени на слова, Наташка поманила ее. Ляна что-то прошептала ей на ухо, и они обе прыснули со смеху. Но к лестнице все же направились. У сборной команды святой инквизиции физиономии были, пожалуй, подобнее, чем у нас с Натальей. А кому понравится, когда из него искусственным образом моделируют идиота? Или идиотку. Их во всем мире и без нас достаточно.

– Значит так! – Наташка по-деловому шлепнула себя ладонями по коленкам, после чего решительным жестом указала на картину, благодаря которой мы «тормознулись». – Это девушка Полина!

Все еще улыбающаяся парочка взглянула в направлении, указанном Натальей, и тандем распался. Ляна продолжала по-дурацки улыбаться, а вот лицо Ольги мигом посерьезнело и вытянулось. В считанные секунды она приобрела вид идиотки, которой в мире как раз и не хватало для ровного счета.

– Откуда вы знаете, что даму зовут Полина? И кто опять повесил сюда эту картину? Куда дели «Нимфу»? Нет, это, пожалуй, уж слишком! Петр Александрович!!! Впрочем, до него не докричишься, он из вазона окурки вытаскивает. Какой-то негодяй накидал. Ребята! Есть кто-нибудь наверху?

– Есть! – отозвался звонкий молодой голос, а следом с париком в руке прискакал и его обладатель в ливрее. – Чего, сударыня, изволите?

– Даня, найди себе подмогу, и немедленно снимите отсюда эту картину. Отнесете на третий этаж. Подожди... – Ольга Леонтьевна порылась в кармане, достала ключ и протянула юноше: – Оставьте ее опять в кладовой. Она, слава богу, заселяться не будет. Двери закроете,

ключ вернешь мне. И передай своим шутникам, что я эти проделки с картиной так просто не оставлю. Мне не смешно!

– Ольга Леонтьевна!..

– Я не хочу слушать никаких оправданий! И прекрати подметать париком ковровую дорожку! Дамы, будьте так добры, освободите ступеньки. Приглашаю вас в конце концов позавтракать.

Губы Ольги Леонтьевны дрожали. То ли от злости, то ли от обиды. Она с достоинством понесла себя вниз. Ляна все еще продолжала улыбаться, но как-то недоверчиво.

– Ир, о нас с тобой заботятся или просто выгоняют отсюда? – громко поинтересовалась Наташка.

– Пойдем, обсудим ответ на этот вопрос на свежем воздухе, – вздохнула я.

– Конечно же заботятся, – влез в наши переговоры багровый от невысказанных претензий Даниил. – Сорвется картина, пришибет на месте, как в прошлый раз Черного монаха, мало не покажется. Никита! – крикнул он очередному ливрейному пареньку, показавшемуся в холле. – Позови Киселя со стремянкой, надо эту бабу наверх запереть. Узнаю, кто ее опять повесил – убью. И скажи Аньке, пусть поищет «Нимфу». Не найдет, сама вместо нее здесь висеть будет!

– Меня за флейтой послали! – пытался отделаться от поручения Никита.

– Да мне по фигу! Мало ли куда тебя посылали за твою жизнь. Не во все же места бегал. Это приказ Кречетниковой, понял?! Выполняй!

– Кажется, мы и вправду здесь лишние! – Наташка бодро вскочила на ноги и помогла встать мне. Хорошо, что воротник блузона крепкий, только слегка треснул. – Лилиана Сергеевна, если хочешь окончательно расслабиться и получить удовольствие от более тесного общения с искусством, как Черный монах, то, пожалуйста, без нас. Двинут картиной в лоб, толком и порадоваться не придется. Интересно, здесь где-нибудь вывешены правила техники безопасности? Вот как при работе башенного крана: «Не стой под стрелой!» Очень доходчиво – «башню» снесет.

Довольно шустро мы спустились вниз и выскочили из дворцовых покоев. Ольги в поле зрения не наблюдалось. Опомнившаяся Ляна, не дав нам с Наташкой в полной мере налюбоваться внешним видом дворца и прилегающей к нему территории, потащила нас в сторону, бормоча проклятия в адрес каких-то придурков. Я только успела заметить неработающий фонтан с веселыми русалками, изящными ручками поддерживающими игривого морского конька. И какого-то мужика в зеленом рабочем комбинезоне и резиновых сапогах. Он плевался и пытался вытащить что-то из середины фонтана. Скорее всего, это и был Кисель, погрязший в искусстве другого рода.

Мы торопливо шагали мимо аккуратно подстриженных газонов, рабатов с весенним набором цветов – цветущими тюльпанами, нарциссами и мускари к утопающему в кустах сирени двухэтажному домику. Лянка все еще чертыхалась, и мы не стали приставать с вопросами, пусть выговорится. Очарование прекрасного утра окончательно развеялось. Я подумала о том, что утренняя дача ничуть не хуже.

При входе во флигель замешкались – у Ляны слетел с ноги шлепанец, и она, шарахаясь из стороны в сторону, возила его босой ногой по площадке крыльца, пытаясь вернуть беглеца на место. Взглянув на Наташку и предусмотрительно шагнув назад, чтобы не мешать Ляне, я поняла, что подруга такого же мнения в плане сравнительного анализа утренних часов. Правда, это поставило меня в крайне неудобное положение – на чужую ногу. В мужском ботинке. Но ненадолго. Дальше все произошло так быстро, что я опомнилась только в кустах сирени в компании с посторонним мне мужчиной. Тот краткий момент, когда именно я, падая, прихватила его с собой, совершенно не помню. Не исключено, что неосознанно пыталась смягчить свое падение. Да и зачем нормальному человеку ни с того ни с сего по

собственной инициативе нырять в кусты? Из солидарности? С совершенно посторонней ему чумичкой?

– О, блин! Опять ободраж! – возмутилась Наташка. – Ну, ты видишь, что делается?!

Вопрос подружки адресовался Ляне, потерявшей интерес к своему шлепанцу. Она ничего не ответила, зато скинула с ноги и второй.

– Ир, отпусти молодого человека, зачем он тебе сейчас нужен?

Я моментально отцепилась от белой в серенькую полосочку мужской рубашки. И даже отряхнула ладони. Успев подумать и решить, стоит ли предлагать человеку свою помощь в пришивании оторванных от нее пуговиц. Не стоит – их теперь вряд ли найдешь. Наверняка у него не одна рубашка. Проще одеть другую.

– Иван, что случилось?

Прямо босиком Ляна шагнула с крыльца, намереваясь влезть в нашу компанию третьей. Но опомнилась и вернулась за шлепанцами.

Только тут я взглянула на незнакомца. Впрочем, своеобразным образом нас уже представили друг другу.

– Нога-а-а... – проскрипел Иван. Его лицо я бы приятным не назвала. Может быть оттого, что оно было перекошено. Кажется, от боли. Да еще эта модная борода...

– Стой там! – приказала Ляне Наташка. – Сама разберусь. Иван, у тебя везде ноги. Свои и чужие. Какая именно досаждаешь? Та, которую потираешь, или та у которой ботинок смотрит не туда, куда надо? Ир, выползай из кустов вместе со своими ногами, только путаницу создаешь. И осторожно.

Я немедленно подчинилась. Иван болезненно крикнул, но на этом его страдания и закончились. Он, а следом и Наталья с Ляной вздохнули с облегчением. Ни перелома, ни вывиха, ни ушиба. Просто я прищемила парню ногу, зажав ее в неудобном положении.

– Тебе, Ванечка, явно не везет, – мягко посочувствовала ему Ляна, помогая встать. – Плечо-то хоть поджило?

– Да все нормально, Лилиана Сергеевна. Черному монаху положено страдать. Ирина, надеюсь, разрешите к вам так обращаться, извините меня за этот неприятный инцидент.

Разумеется, я разрешила. Тем более что речь о пришивании оторванных пуговиц вообще не шла. Подумаешь, слетала в кусты без особого для себя ущерба. Да и молодой человек довольной симпатичный.

5

Ольга Леонтьевна Кречетникова занимала на втором этаже дома, именуемого флигелем, три небольшие комнаты со всеми удобствами, включая рабочий кабинет и маленькую кухню, где нас, собственно, и ждал поздний завтрак. Только нам не до него было. Лично я обдумывала, как бы потактичнее преподнести свое решение немедленно покинуть зону отдыха и вернуться домой. Надеюсь, что Наталья задумалась о том же. Начала она изда-лека:

– Не все спокойно в вашем королевстве очень кривых зеркал, – сурово изрекла подруга, вращая кофейную чашку по кругу. – Но для начала хотелось бы знать, на каком мы здесь положении и какую сумму должны заплатить за сутки пребывания в этом развеселом месте. Затем, что здесь вообще творится? Блин, крыша едет от всех ваших Полин, Черных монахов, ясновидящих, самораспахивающихся штор и... вообще!

Ляна ахнула и всплеснула руками:

– У меня была надежда на то, что ты, моя дорогая, просто глухая тетеря. Но вот уж чего от тебя не ожидала, так это редкой бестолковости. Слава богу, сын не в тебя!

– Воистину слава, что и твоя дочь не в тебя уродилась!

За несколько минут родственницы расплевались так, что все мои попытки отвлечь их внимание на более приятные моменты – в частности, наше с Ольгой Леонтьевной присутствие за одним столом с ними, против нас же и обернулось. И мне, и ей было велено катиться куда подальше, но по своему усмотрению. Я сочла момент вполне подходящим, чтобы уточнить расписание движения поезда «Великие Луки-Москва». Ольга поморщилась, закрыла уши руками и выскочила в соседнюю комнату. Я и подавно не засиделась, не забыв хлопнуть за собой дверь.

– Ириша, я тебя очень прошу не пороть горячку. – Со сложенными на груди руками Ольга стояла у открытого настежь окна и смотрела прямо перед собой. – Не знаю, как Лянка договаривалась с Натальей, но она уверяла, что по телефону все хорошо объяснила.

Мне показалось, что Ольга настроена зареветь, поэтому я мягко сказала:

– Наталья не все слышала. Кажется, связь была не очень...

– Тогда я попытаюсь объяснить все тебе. – Ольга обернулась. – Давай присядем на диванчик. – И первая подала мне пример. Глаза у нее подозрительно блеснули. Девушка усилием воли подавила в себе желание зареветь. – Вначале отвечу на первый Натальин вопрос: вы обе здесь на правах моих хороших приятельниц, следовательно, вопрос об оплате стоимости вашего отдыха отпадает. Ляна – моя лучшая подруга еще со времен детства, помогает мне организовать косметический кабинет и обучает моих специалистов тонкостям своего мастерства. Можно было сделать это и заранее, но не хотелось дополнительных расходов на заработную плату, ведь косметологам следовало бы ее платить, а на доход, сама понимаешь, можно рассчитывать только после открытия нашего заведения...

Наверное, вид у меня был достаточно дурацкий. Ибо то, что я услышала дальше, не сказать чтобы шокировало, но удивило до крайности. Следить за собой, удерживаясь в состоянии умной слушательницы не получалось.

Изначально планировалось обеспечить отдыхающим отдых по-своему экстремальный. Хорошо упакованные в материальном отношении граждане мигом раскупили путевки на полгода вперед. В дальнейшем Ольга планировала обучить свой персонал общению на нескольких языках и приглашать иностранных туристов. Главной задачей задуманного мероприятия являлась необходимость поддерживать отдыхающих экстремалов в состоянии, которое заставит их вырабатывать адреналин литрами. И таким образом расслабляться, напроочь отвлекаясь от своих личных проблем. Рабочих, семейных – не важно. Каждую ночь

по общественно-коммунальным местам дворца, коими считались холл первого этажа, лестницы, все коридоры, а также подвальные помещения, будет разгуливать привидение Черного монаха, чередуя либо совмещая свои дежурные походы с походами других привидений. Конкретно – своей невесты Анастасии или просто Настеньки, а также ее злой мачехи. Единственно, куда «привидениям» не следует заглядывать, личные номера отдыхающих. Время разгула тоже ограничено – после половины двенадцатого до часу ночи наверху и до рассвета – в подвальных помещениях либо вне помещения дворца – на улице, издали пугая ищущие уединения на природе парочки.

Тут я невольно перебила Ольгу, решив, что роль злой мачехи уготована госпоже Мухатской, но она прыснула в кулачок и пояснила, что у Таисии своя собственная роль – ясновидящей, за что ей, собственно, положена хорошая зарплата. В принципе, какие-то экстрасенсорные способности у мадам действительно есть. По замыслу Мухатская – такое звучание фамилии ей больше импонирует – не имеет права нервировать клиентов грядущими несчастьями. От нее требуются только хорошие вести. Кроме того, она обязана отказываться от денег клиентов, дабы убедить их в непредвзятости своих предсказаний, однако у Ольги нет уверенности, что Таисия будет соблюдать условия договора.

Мысль о конкретных персонажах, которым надлежало гулять по ночам в образе привидений, породила местная легенда. Для усиления эффекта во дворце продумана специальная акустика, сделаны записи тяжелых охов, вздохов и неясных причитаний. А каждый номер имеет свои собственные загадки. Например, в нашей с Наташкой комнате с рассветом или наступлением темноты автоматически раздвигаются либо задвигаются портьеры.

– Замечательно! – не очень уверенно проронила я. – А нельзя нам перебраться на постой поближе к тебе? Так, чтобы никакой автоматике с акустикой. Честно скажу – из меня экстремал ну просто никакой. Иногда даже сама себя в зеркале пугаюсь. Наташка и того хуже. Боюсь, что после часа ночи мы по собственной инициативе будем выть от страха куда талантливее твоих искусственных приведений.

Ольга одарила меня недоуменным взглядом:

– Но ведь Наталья сама упорно настаивала на проживании во дворце... Даже не знаю... Боюсь, уже поздно что либо менять. Понимаешь, часть туристов, пожелавших отдохнуть без потусторонних изысков, распределена по комнатам флигеля. В основном это пожилые пары и рыболовы-любители. На нашей территории прекрасное озеро. Маленькое, но удивительно чистое. Честно говоря, я даже обрадовалась тому, что Наталья согласилась на проживание в дворцовых покоях. Не понимаю, почему вы теперь...

– А тут и понимать нечего. Наташка просто не слушала Ляну, променяв ее, как считала, «болтанку» на какую-то передачу по телевизору. Только ей неудобно в этом признаться. А почему ты-то радовалась ее решению? Мест во флигеле не хватало?

Ольга помолчала. Сцепив руки в замок и уткнувшись в них подбородком, принялась покусывать нижнюю губу.

– Это как-то связано с Полиной? – осторожно поинтересовалась я. Она едва заметно кивнула. – Тогда рассказывай.

Я откинулась на спинку дивана. Нужна была опора – мало ли что услышу.

– Подожди, не начинай! – раздался из кухни голос Лилианы Сергеевны. – Пусть и Наталья предисловие выслушает. При свидетелях. А то скажет, что у нее опять уши заложило. Телевизором. Да не толкайся ты! Без нас не начнут. И дай я тебе воротничок поправлю. У красивой женщины все должно быть на уровне. Кстати, я давно собиралась сказать, у тебя прекрасный цвет лица. Румянец, как у молодой девушки.

– Просто сосуды на щеках близко к коже расположены. Зато ты и без румянца выглядишь на двадцать пять лет. Не забудь про крем, который обещала сделать нам с Ирккой.

Сладкая парочка вышла из кухни в обнимку и распалась, усаживаясь в кресла. На этот раз они были обыкновенные – XXI века.

Ольга нервно взглянула на часы:

– Я постараюсь покороче. Новый, как его называют, дворец построен на развалинах старого дворянского дома, разрушенного революционным ураганом. Внешне мы восстановили архитектуру здания. Кто из нас в первый раз назвал его дворцом, уже и не помню. Но сочли это слово хорошим брендом. Тем более что в старину он так и назывался. Внутри в целях экономии использовались наименее дорогие материалы, и все же я угрожала баснословную сумму. В основном это средства моего покойного мужа, царствие ему небесное, земля пухом. Но дополнительно пришлось влезть в кредит. Вся отделка, лепные элементы, безделушки, даже рамы для картин сделаны из пластика. Сами картины – достаточно хорошие работы молодых ребят. Студентов Строгановки. Они постарались изобразить бывших владельцев поместья по своему усмотрению, портретное сходство с ними исключено. Я не лезла с советами. Позировали художникам те лица, которых они находили сами.

Примерно в километре от нашей территории расположено несколько деревень, при этом одна из них была совершенно заброшена. Кто-то ухитрился даже провода с электрических столбов украсть. Во второй деревне в пяти домах жили восемь стариков. Сейчас там помимо них проживает двенадцать семей. Между прочим, в хороших условиях. С моей помощью. Другая деревня тоже потихоньку возрождается. Причина, как догадываетесь, в том, что люди обеспечены работой и, смею надеяться, стабильным заработком здесь, у меня. Надеюсь также с расширением нашего туристического бизнеса потребность в рабочей силе будет расти и дальше.

При ремонте одного из домов в Звонаревке я случайно наткнулась на своеобразный клад. Кстати, старожилы на полном серьезе утверждают, что бывшие владельцы имения где-то зарыли свои сокровища. Только они заколдованы. Так получилось, что мы не сошлись с рабочей бригадой объемом работы и ценой – они настаивали на полной замене половиц, мне же казалось достаточным настелить поверху фанеру и линолеум. Бригадир заявил, что халтура его не устраивает – доски пола окончательно прогнили, и отказался продолжать работу. Прежде чем принять окончательное решение, я решила осмотреть дом сама. Больше было некому – своего спеца заместителя с трудом отыскала. Пил по-черному, за что в конце концов я его, умницу, и уволила. Строители, пользуясь отсутствием надлежащего контроля, разумеется, потихоньку спускали приобретенные мной стройматериалы налево. А один раз вообще машина кирпича целиком «ушла». Представляете? Впрочем, опять отвлекаюсь. Короче, поддела я в доме гвоздодером одну половицу и убедилась, что бригадир на сей раз прав. Она легко переломилась, обнажив всю свою гнилую сущность. Этим же гвоздодером откинула обломок в сторону и...

– Ясно, – вмешалась Наташка, – обнаружила тайник.

– Да. В пустом пространстве между черновым полом и...

– Что там было?

– Какой-то сверток. Я выворотила еще несколько гнилых половиц и еле его выволокла. Невозможная тяжесть! Льняное полотно было капитально пропитано каким-то маслом. Кое-где оно заскорузло. Еще та мерзость! Внутри находилась картина... Ну вы ее недавно видели. Я не сочла нужным куда-то сообщать о находке. Позднее, проконсультировавшись со специалистом, выяснила, что картина подлинная, писана примерно в середине XVIII века, вот только художника установить невозможно. Пропитанное льняным маслом полотно, в которое она была упакована, родом из начала XX века. Я сделала вывод – раньше картина висела в родовом гнезде.

Ольга опять взглянула на часы, на сей раз настенные, и вскочила.

– Ляна, будь добра, доскажи эту историю. Мне нужно подготовиться к встрече и сделать кое-какие распоряжения. Вам туристов встречать совершенно необязательно. Заодно обсудите здесь вопрос с питанием.

– Не забудь переодеться! – напомнила ей Ляна и перекрестила: – С богом!

Ольга исчезла в другой комнате, а Ляна пересела ко мне на диван и продолжила рассказ.

Ольга Леонтьевна взялась за изучение родословной бывших владельцев имения. И едва не свихнулась, капитально запутавшись в ветвях генеалогического древа семьи. Имелось целых четыре версии о родоначальнике. Вплоть до незаконнорожденного отпрыска какого-то воеводы Боряты. Блудили наши предки, не боясь греха и божьего гнева. Больше бояться было нечего. До рождения вируса СПИДа и прочих невидимых киллеров было далеко.

Ничтоже сумняшеся, Ольга пропустила пару веков, остановилась на начале XVIII. И опять запуталась. Мелькали разные имена, фамилии, звания. Наследники судились-рядились за наследство. Генеалогическое древо обрастало «волчками» – дикими, неплодоносящими побегами, а также представителями литовских ветвей. Каким-то боком, оттесняя законных наследников, во владельцы имения выбивались лица из других родов.

В основном бесславных. В частности, престарелый граф Кочетков-Турчанинов за неделю до своей свадьбы с девицей Елизаветой Колпаковой вступил в права наследника после своего бездетного сорокалетнего дяди, нечаянно погибшего в ходе охоты на зайцев (заяц обернулся вепрем). И помер от счастья прямо на брачном ложе, оставив после себя неутешную семнадцатилетнюю вдову Лизоньку, которая чуть раньше положенного срока родила покойному супругу чудесного младенца. Порадовавшись за новорожденного, Ольга поняла, что от полученных знаний устала. Младенец ведь мог и не дожить до статуса совершеннолетнего собственника имения. Это было бы ужасно. Да и морочить себе голову очередной сменой состава Кречетникова больше не могла. Она поступила проще – отправилась в Звонаревку и переговорила со старожилами. У одной бабульки и узнала о легенде, едва не похороненной под гнетом времени.

В давние-стародавние времена, именуемые второй половиной XVIII века, усадьба вместе с пятью деревеньками принадлежала доброму и красивому графу Кочеткову-Турчанинову, как предположила Ольга, выросшему из того самого чудесного младенца, которого родила Лизонька. Имя и фамилию графа бабулька не знала, впоследствии Ольга, радуясь своей догадливости, установила ее сама.

Несмотря на доброту, судьба обошлась с графом сурово. Через несколько лет счастливой семейной жизни у него умерла такая же, как и он, добрая, красивая жена, оставив ему в утешение еще более добрую красавицу дочь. Полюшке исполнилось шестнадцать, когда граф нарушил данное жене обещание не жениться.

– Ясное дело! – заявила Наташка. – Это сейчас мужиков в загс не загонишь, да и вообще молодежь обоего пола предпочитает избегать лишней процедуры регистрации. Надоело! Вместо прописки – регистрация, в системе медицинского и пенсионного страхования – опять регистрация. Еще ИНН... Всю страну построили.

– Если желаешь, можешь продолжить рассказ вместо меня. – Ляна многозначительно поджала губы.

– А что тут продолжать? О подобной истории Николай Васильевич Гоголь написал. Кстати, там тоже дело было майскими короткими ночами. Мачеха невзлюбила падчерицу и задалась целью сжить ее со свету, вот и утопила. Современная молодая девушка такого бы не допустила. Ир, скажи?

– Скажу. Не губи легенду. В ней отведено место еще Черному монаху. Ляна, будь добра, сделай вид, что мы с тобой одни в комнате. Так что там про мачеху?

– Только то, что она оказалась редкостной стервой.

Значительно укоротив печальную повесть, Ляна сухо поведала о том, что мачеха ради богатого наследства быстренько свела в могилу доброго и красивого графа. Над способом особо не задумывалась – взяла да отравила. Граф ей этого не простил и принялся доказывать всю низость ее поступка, регулярно являясь вдовушке по ночам. Отравительница призадумалась и решила, что изводить свою падчерицу тем же путем не стоит. Мыслилось окончательно избавиться от папы и дочери. Не прятаться же от их навязчивого присутствия в тандеме еженощно. Достаточно и того, что покойный муж регулярно портил ей настроение, не давая высыпаться.

Перебрав все возможные варианты, мачеха решила сбавить девушку в чужие руки. Иначе говоря, выдать замуж и спровадить из дома. Падчерица рыдала, валялась у нее в ногах и беспрестанно молилась Господу, чтобы он внушил жестокой даме чувство жалости. Но мачеха была непреклонна. Жениха постаралась подобрать такого, чтобы падчерице не завидовать. Старый лысый тиран с явными психическими отклонениями, взглянув на которого, мачеха поняла – она сделала правильный выбор «чужих рук». Жених с первого момента знакомства принялся носиться за доброй и красивой невестой, непременно желая угробить ее в своих цепких объятиях. Еле отбил девушку заезжий добрый молодец, случайно заблудившийся в графских владениях. Красивый, но бедный дворянин испугал страстного жениха до такой степени, что тот нечаянно упал в медвежью яму. Места в ней и одному медведю было мало. Жених откусил зверю ухо, тот, пытаясь отбиться от незваного чокнутого гостя, его придавил.

Между благородным спасителем и спасенной жертвой сразу возникли нежные чувства, чему ни в коей мере не помешали яростные вопли и рыки из ямы. Влюбленные их просто не слышали. Да эти посторонние звуки вскоре и сами по себе стихли. Только медведь время от времени горестно вздыхал, жалуясь на откушенное ухо.

Молодой дворянин стал постоянным гостем в имении. Не лелея надежд на руку Полюшки, он стал обдумывать план бегства с ней. Оставалось только убедить любимую, что Господь сей побег не воспримет в штыки. И жить они будут в раю. Его полуразвалившийся дом вполне можно реконструировать в райский шалаш. Красивая, но лишенная доброты мачеха не могла противиться визитам юноши – влюбилась в него всеми фибрами своей черной души. И до такой степени мучилась, замечая, какие пламенные взоры он кидает на ее падчерицу, что перестала реагировать на привидение убиенного мужа. Рассекретив подготовку к побегу (Полина все-таки на него решилась), жестокосердная накануне ночи «икс» подсыпала падчерице сонного зелья. Обрядившись в ее одежды и якобы из скромности прикрыв личико вуалью, вышла навстречу юноше. Они недолго скакали по лесу – у дамы лопнула подпруга и она испуганно вскрикнула. Резко осадив коня, молодой человек поспешил на помощь. При попытке стащить «любимую» с лошади, оба упали на лесной ковер из мха.

Наверное, доброго и красивого дворянина удивила не девичья страстность спутницы. Да где ж ему в тот момент было трезво мыслить! Не он первый, не он последний герой стихийного любовного романа, ныне именуемого сексом. Может, сознание и сопротивлялось, но оно бессильно, по словам поэта Суркова, в тех случаях «... когда душою правит тело». А тело твердо стояло на своем – потом разберемся!

Неизвестны детали этой «разборки». К рассвету измученный и ободранный молодой человек в состоянии, близком к помешательству, явился к своей безмятежно спящей возлюбленной...

Итог этой печальной истории: наутро Полина утопилась, мачеха так и пропала в дремучем лесу, а молодой человек в надежде найти утешение в Боге, ушел в монастырь и стал монахом. Но недолго там пробыл. Нарушая устав монастыря, снова и снова возвращался в опустевшую усадьбу, проникая туда непонятно каким путем. В конце концов так и сгинул бесследно, хотя его мертвого тела никто никогда не видел.

С тех пор в опустевшем графском доме по ночам стали разгуливать сразу четыре призрака, но каждый сам по себе. Некоторые знатоки утверждали, что привидения по ночам упорно ищут друг друга. А если натыкаются на живую душу... Словом, последствия ужасны.

Очередной наследник имения, очень дальний родственник графа, прожил во флигеле неделю, затем устроил распродажу ценностей, чтобы покрыть свои долги, и благополучно свихнулся, уверяя всех, что бывшие обитатели дома по ночам требуют от него возврата любезных их сердцу вещей и безделушек.

Долгое время дом был необитаем. Очередная наследница, проживая в Москве, через своего управляющего просто собирала дань с крепостных крестьян. Потом имение неоднократно продавалось, новых хозяев привидения не беспокоили, зато пугали челядь. Сами хозяева с завидной методичностью и настойчивостью разорялись. Последним владельцам удалось восстановить былое величие усадьбы, но только для того, чтобы его уничтожила революция. Как бы там ни было, все равно деньги на ветер.

6

Легенда породила у Ольги Леонтьевны задумку – использовать ее для привлечения туристов, желающих не только отдохнуть на природе, но и пережить интересные, будоражающие нервы приключения. Портрет Полины, имеющий определенную историческую ценность, она повесила у себя в кабинете и, со временем привыкнув, перестала им любоваться. Заканчивалась отделка первого этажа дома, Ольга разрывалась на части, стараясь ничего не выпускать из-под контроля. Постоянно не хватало отделочных материалов. Банки с краской, шпаклевка, расход которых был предварительно просчитан с запасом, по ночам таинственным образом исчезали, так же как гвозди и саморезы. Едва ли их воровали привидения, хотя такая версия выдвигалась специально нанятым для дежурства сторожем. Не помогло даже увольнение впавшего в очередной запой заместителя Романа Горбенко и прием на работу нового – Вениамина Потапова. Принятого, кстати, по рекомендации уволенного. Несмотря на недостойное поведение, Роман отличался редкой порядочностью. И Ольга своим новым заместителем была очень довольна. Его работе не мешало даже врожденное качество бабника.

Она не знала, когда именно портрет Полины поменял место своего нахождения. Просто однажды увидела его висющим в числе других полотен на стене, примыкающей к правому лестничному маршу, между первым и вторым этажами, и очень удивилась. А в кабинете оказалась картина, запечатлевшая рождение утренней зари на озере. Отблески ее играли на крыше белой купальни, легких мостках с резными перилами и уходящими в воду ступеньками, позволявшими окунуться в озерную гладь и выбраться из воды, не запачкав ноги в прибрежном песке. Смена картиной места пребывания была удивительна тем, что ключи от своих апартаментов Кречетникова не доверяла никому. Даже уборка комнат велась в ее присутствии. В спальне находился сейф с документацией и деньгами. Ольга отлично научилась их считать.

Самовнушение – великая сила. Вернувшись во дворец, звание, которое с недавних пор прочно закрепилось за новостройкой, Ольга потопталась на лестнице, в смятении вглядываясь в портрет Полины. На весьма почтительном расстоянии. Лицо девушки непостижимым образом утратило свою привлекательность, а ее взгляд вообще показался ей жутковатым. И главное, она никуда не могла от него спрятаться. Кончилось тем, что Ольга чуть не загремела со ступенек. Спасло случайное появление Чернова Ивана, призванного играть роль Черного монаха. Он и удержал директрису от непредсказуемого по конечному результату падения.

Портрет сняли и убрали в подсобное помещение. Вначале Ольга противилась тому, чтобы он оставался на третьем этаже в общем ряду с номерами отдыхающих, а не на отшибе, потом смирилась. Раз всех устраивает... Утром портрет опять висел на прежнем месте. Мало того, сорвался со стены именно в тот момент, когда Иван скакал вниз по лестнице, торопясь занять место за обеденным столом. Углом рамки парню основательно повредило плечо. На какое-то время раненый даже утратил аппетит, ибо встал вопрос о его дальнейшей профпригодности к роли Черного монаха и прочим дополнительным обязанностям. Но все ограничилось недельным отлеживанием в велико-лукской больнице с последующим лечением по месту работы – во дворце.

С тех пор перемещения портрета не прекращались. Его снова и снова наказывали – отправляли в ссылку на прежнее место в подсобном помещении, в дверь врезали новый замок, ключи вручили только директрисе. Бесполезно. В конце концов Ольга выразила желание организовать ночное дежурство и принять в нем личное участие с целью поимки злоумышленника, вздумавшего над ней издеваться. На ночлег расположилась в той самой комнате, которая была милостиво выделена нам с Натальей. Тюремная одиночка для полотна –

кладовая находилась как раз напротив. На стульях у дверей с трехлитровым термосом кофе дежурил ночной дозор в составе двоих ребят.

Несмотря на взбудораженные нервы, Ольга сама не заметила, как заснула. И до сих пор не разобралась – видела ли она сон или добрая и красивая, но ужасная Полина и в самом деле явилась к ней в виде фантома. Мало того, направила в ее сторону указательный палец и прошипела: «Помни, кто в этом доме хозяйка! Все потеряешь!» Ольга от страха судорожно сжала руками одеяло на груди и крепко зажмурила глаза. А когда решилась их открыть, увидела, как услужливо и бесшумно раздвигаются портьеры. За окнами уже светлело. Комната была пуста. На всякий случай она заглянула в ванную. Никого! Открыла запертую на ключ дверь и увидела мирно спящих на стульях ребят. Не сразу их добудилась. Разумеется, они ничего подозрительного не видели и не слышали, тем не менее портрет Полины упрямо висел на стене у лестницы. Его очередной раз убрали в подсобку, Ольга распорядилась установить в ней камеру слежения и изменить имя главной героини легенды страдальицы Полины на страдальицу Анастасию. Вычеркнуть, так сказать, имя нахалки из истории. Еще не известно, кто лучше – покойная дочь покойного графа или ее покойная мачеха.

Ольга перестала доверять своему окружению. После телефонного совещания с Лилианой, родилась идея пригласить умных и порядочных незаинтересованных лиц – сторонних наблюдателей с целью выявления злых шутников. Выбор пал на нас с Натальей.

– Да вы обе по козням в подметки не годитесь утопленнице Полине! – заорала Наташка. – Я в собственной квартире-то боюсь по ночам в туалет ходить, а меня в сторонние наблюдатели за привидениями, блин! Как будто они мимо нас стороной пройдут! Ир, мы, проснувшись, помнится, решили в Москву? Вот и собирайся. У нас на даче организованы курсы русского мата, мы не можем пропустить занятия. Надо постоянно совершенствовать свое мастерство. Нет, ну ведь это надо додуматься поселить нас в комнате, напротив подсобки с призраком!

– Успокойся! – властно заявила Ляна и этим еще больше разозлила родственницу. Та сразу выдала собственное видение перспективы семейной жизни своего сына с ее дочерью.

Ляна закрыла уши ладонями и приняла отрешенный вид. Наташка умолкла – не было благодарных слушателей.

– Ну, вот и хорошо, – кивнула Ляна. – Теперь постарайся понять: я была противницей того, чтобы вы поселились в основном здании – ты сама потребовала. Вчера с дороги я так и не дозвонилась до Ольги. Надеюсь, что у нее все-таки есть в резерве какой-нибудь приемлемый запасной вариант. Сегодня выяснилось, что она не планировала наш приезд в минувшую ночь. Первый водитель, прибывший с багажом, заявил, что мы раньше восьми утра не заявимся. Кто и каким образом засунул вас в эту треклятую комнату напротив подсобки, я не знаю. Ольга, уважая желание Натали, вообще хотела предоставить вам две комнаты на втором этаже дворца. Правда, там ровно в двенадцать часов автоматически выключается свет, слышатся завывания ветра и шелест листвы, но систему можно отключить. Никто не пытался вас подставлять. Не перебивай! Мне и так уже не по себе от всей этой истории.

Ляна вскочила, сунулась в бар, вытащила бутылку какого-то вина и, разлив по бокалам, вручила нам.

– Давайте-ка махнем и будем рассуждать трезво.

Ляна приложила своей емкостью к нашим, выпила вино залпом, на пару секунд задумалась, размышляя, что именно она проглотила, недоверчиво посмотрела на бутылку и глубокомысленно заявила:

– Ага. Коньяк!

Мы с Наташкой сунулись в бокалы языком и, осторожно лизнув содержимое, поставили их на стеклянный столик.

– Значит так. С того момента, как в подсобном помещении была установлена камера наблюдения, никаких эксцессов больше не наблюдалось. Вплоть до сегодняшней ночи. Камеру украли. Только неизвестно когда. Все как-то быстро успокоились – картина же не являла себя на лестнице. Это во-первых. Во-вторых, настоящих привидений не существует. Соединяем первое со вторым, получаем вывод – хулиганит реальное физическое лицо, которому следует по всем правилам набить морду. И еще – с сегодняшнего дня на каждом этаже будет круглосуточное дежурство ночных администраторов.

– Но это не вписывается в общую задумку! – наконец-то подала голос я. – Странная картина получается – ваши доморощенные привидения будут носиться по этажам, а живые, по штату дежурные администраторы, стоя по стойке «смирно» у всех дверей, обязаны им покровительственно улыбаться?

– С двенадцати до часу ночи введем администраторам плановый перерыв на ужин.

– В самый разгул! – возмутилась Наташка. – И привидений, и молодых отдыхающих.

– С двенадцати до часу дежурство будут нести сами призраки! – отчеканила Ляна. – Как видишь, все продумано. Они такие же живые и, смею заверить, очень ответственные ребята. А может... действительно не стоит мучить дополнительные единицы дежурством? Ладно, оставим одних призраков.

– Но ведь при всей этой потусторонней беготне ваши постояльцы могут не высипаться! – Я немного покривила душой, ибо в первую очередь подумала о себе.

– Они знали, на что шли! Все прописано в договоре. Каждый волен проспать хоть весь день. Если, конечно, намерен пропустить интереснейшие экскурсии. Постояльцам, как ты говоришь, подадут завтрак, обед и ужин в любое время. Кроме ночного. Горна на подъем не будет, но желающих посетить интересные места нежно разбудят. Каждый волен чувствовать себя так, как будто все здесь вертится исключительно ради него, любимого. Весь штат прислуги! Кого не устроят условия проживания во дворце, при наличии первой возможности можем переселить во флигель. Либо отключить в номере весь экстремал.

– На какое количество дней рассчитана путевка?

– На любое, начиная от двух дней. Но на это время, скорее всего, будут приезжать из Великих Лук или Пскова. Хотя время покажет. Ольга только начинает свою деятельность, и дай бог ей раскрутиться. Ой, я кажется закосела. Девчонки, а хотите, я переселюсь к вам? Займем двухкомнатные пенаты и пошебуршим активнее привидений! Вот только у меня по утрам и днем работа напряженная.

– Мы еще не решили вопрос дальнейшего проживания здесь, – напомнила Ляне Наташка, а я поинтересовалась, имеются ли у Ольги недоброжелатели?

– А у кого их нет? Конечно имеются. Только не здесь. К укомплектованию штата она относилась с особой тщательностью. По-моему, все сотрудники к ней хорошо относятся.

– А тот ее заместитель по строительству? Ну, которого Ольга выгнала за пьянку.

– Так он сразу в Питер уехал. Кстати! Этот тип отхватил путевку на семь дней! Наша благотельница пожалела бедняжку и подарила ему бесплатную. Сегодня должен прикатить на открытие. Девчонки-и-и... Ну перестаньте вы дуться. Если бы Натали меня слушала...

– Если бы ты на протяжении получаса не пела о красоте здешних мест и не морочила мне голову отвлеченными моментами...

Я решительно пресекла новую «песню» о старом:

– Наталья, а ведь это твой Лешик во всем виноват!

– Еще присоедини сюда моего мужа! – перевела на меня стрелки гнева подруга.

– Да я просто уверена, что именно он рассказал Лянке о нашем патологическом стремлении разгребать завалы чужих козней. Вот она и решила, дать нам очередной шанс поразиться.

– Но ведь мы специально не ищем приключений на собственную... Ир, тебе на какое место удобнее их не искать?

Я лихо проглотила коньяк, пожалела, что нет лимона, но перекосилась так, как будто пожадничала и сунула в рот три дольки разом.

– Мне желательно ни на какое. Занимаемую нами комнату непременно следует освободить?

– Совсем необязательно, – обрадовалась Ляна. – Она почти перешла в категорию наблюдательного пункта. Если «шутки» не прекратятся, Ольга разорится, но установит дополнительную камеру наблюдения и поселит там профессионала – отслеживать коридорную жизнь на экране. Если комната вас устраивает, можете продолжать в ней свой отдых.

Мы с Наташкой переглянулись и чокнулись бокалами – она уполовиненным, я – пустым.

– С Ольги ежедневная лошадиная доза мороженого для меня, Ирке – коробка конфет. Лучше с ликером. За вредность!

– Я так понимаю, диабета не боитесь?

– А что делать?! Лишним поделимся. Друг с другом. Ир, ты не хочешь познакомиться с самозванцами-привидениями? Сколько их всего здесь? Трое или четверо? Что-то я уже запуталась.

– И желательно снять нам копию графика заступления их в ночное, – подсказала я.

– Значица так! – Боясь обсчитаться, Ляна принялась загибать ухоженные пальцы с наманикюренными ногтями. – Если собьюсь, поправите. Супруги Черновы: Анастасия... кстати ее и в самом деле так зовут – раз! Черный монах – Иван. Совсем не дурак, сам себе на уме, за что терпеть его не могу. Да ты, Ириша с ним вместе в кустах валялась, он у нас второй по счету. Затем – Мачеха... Вот Мачеха у нас немножко приболела. Говорят, отмечала свой день рождения и в результате передозировки шампанского в озеро свалилась. Прямо с мостков. Вообще-то она ведет очень трезвый образ жизни...

– С непривычки, значит, – посочувствовала я. – Как зовут болезную?

– Софьей нарекли. По «мачехе». Собственное имя – Вероника.

– А графа?

– Граф в Ольгиной смете не предусмотрен. Может, со временем нарисует... Вообще-то и этой троицы хватает. У них дежурство сутки через двое. Только в отдельные ночи Мачеха и Черный монах, в которого обрядится Иван, вместе шастать будут. Вероника уверяет, что ей и одной комфортно, но мало ли кто из разгоряченных туристов пристанет.

– Замечательная работенка! – восхитилась подруга. – Повыл пару часов, побегал по коридорам и два дня свободен. Нельзя к вам на следующий сезон пристроиться? Мачехой Софьей.

– Да у ребят свободного времени практически нет. Только после дежурства отдыхают до двух часов дня. Остальное время они задействованы на других работах. Например, Анастасия обеспечивает экскурсионную программу. Сегодня должна прибыть из Санкт Петербурга с группой туристов, а в ночь ей дежурить. Завтра повезет желающих в Невель. Иван – мастер по фигурной стрижке кустарников. Словом, даром деньги никто не получает.

– Даже ты? – Наташка смотрела Ляне прямо в глаза.

– Даже я, – спокойно выдержала ее взгляд родственница. – Только у нас с Ольгой свои счета и свой способ решения денежных вопросов. И я не собираюсь на эту тему распространяться. Еще вопросы есть? – Она припечатала свой бокал к столу.

– Есть! – Наташка повторила этот номер со своим бокалом. – Почему ты оскорбилась? Я ничего такого не спросила!

– А я ничего такого и не ответила!

Следовало немедленно прервать очередную цепочку звеньев назревающей перепалки, пришлось вмешаться:

– Дорогие мои идиотки! Вы ниспосланы друг другу свыше – как Божье наказание и возможность посмотреть на себя со стороны. А я-то за что страдаю?

Цель была достигнута. Обе собеседницы перестали препираться и сосредоточились на мне. Наталья тут же заявила, что я их смертельно обидела. Ляна похлопала глазами и поддакнула. Затем они поблагодарили судьбу за то, что она свела их, таких хороших, вместе. Не всем так везет в жизни.

Я встала, забрала бокалы и вышла на кухню, предоставив родственницам возможность обругать меня, выгодно оттенив при этом все свои достоинства. Мешать им не собиралась. Меня интересовал вопрос, кого ждала минувшей ночью Полина? Если Ольга приготовила нам с Наташкой комнату в другом номере дворца, это обстоятельство для работников пансионата не могло быть тайной. Не ведала о нем только Ляна, уверенная в том, что нас должны разместить в основном здании, как и настаивала Наташка. Не вовремя подруга ударилась в амбиции. Света во дворце не было. Впрочем, для половины третьего ночи это нормально. Сама Полина выглядела, конечно, бледновато, но на призрак не тянула. Да и зачем призраку включать в коридоре свет? Он должен хорошо ориентироваться и в темноте. Наверное, по нюху. Нет, девушка определенно кого-то ждала. Но не нас. Стоп!!! Срочно надо выяснить, где намеревались уложить той ночью госпожу Мухатскую. И выловить Вовчика. Наверняка он знает девицу. Не только не удивился ее присутствию, но даже напомнил ей об обязанностях.

Я отодвинула взаимодовольных родственников, под ручку застрявших в дверях кухни, и заторопилась на поиски Вовчика или ясновидящей. Кто попадется.

У парадного входа во дворец стояли два больших туристических автобуса. Один собирался уезжать, из другого выгружались люди. Доносились обрывки оживленных разговоров, перемежаемые смехом. На крыльце флигеля тоже переговаривались, только сдержанно. Для отдыхающих на отшибе был предусмотрен отдельный вход. Два человека в белых париках, белых чулках, красных камзолах и панталонах галантно провожали в их комнаты последних из числа прибывших, стараясь легко и непринужденно тащить чемоданы и сумки различной степени тяжести. Рядом с крыльцом стоял синий микроавтобус Вовчика. Сам он, в новеньком голубом комбинезоне и зеленой футболке, со скупающей физиономией пинал переднее колесо машины.

– Пытаешь? – миролюбиво поинтересовалась я. – Добиваешься признания в плохом самочувствии резины?

– О, здрасьте вам! Да вот жду, когда контингент соизволит загрузиться для доставки на дворцовый обед.

– Так тут же рукой подать. Одно удовольствие прогуляться.

Вовчик обреченно махнул рукой и зевнул.

– После обеда и прогуляются. Кто на своих двоих, кто на спецтранспорте. Желающим будут поданы кареты. За дополнительную плату прокатят по окрестностям. А я поеду домой, до вечера отдыхать.

– Так ты живешь не здесь?

– Не-а. У меня дом в Звонаревке. Там почти вся местная обслуга живет – повара, официантки, уборщицы, электрики... Поздно вечером всех увожу, рано утром привожу. Правда, электрики на особом положении, им торопиться некуда. Их Сергеич позднее со своими ребятами на каретах привозит. Собственными руками по старинным чертежам делал.

– У него в Звонаревке конюшня?

– А как же. Он у нас и лошадей разводит. Отличный мужик, только чудной. С лошадьми, как с людьми, разговаривает. Деньги ему на своих коняг нужны, вот и подсуетился с каретными прогулками. А еще, кто желает, может обучиться верховой езде. Только у

него жесткие требования – седок не должен весить больше восьмидесяти пяти килограммов. Ольге Леонтьевне его затеи на руку. Кому не захочется прокатиться в настоящей карете? Для культурной жизни пансионата хорошее мероприятие. Да и экономия денег на доставке работников сюда и обратно.

– А «привидения» тоже в Звонаревке живут?

– Нет, они не из местных. Как и музыканты, где-нибудь здесь поселились. Одна из них не так давно приехала. Говорят, ничего. Красотка.

– Вчера нас во дворце встречала какая-то девица. Мы от усталости даже не удосужились ее поблагодарить. Не знаешь, кто она такая?

– Дак наверняка кто-нибудь из артисток, небось последняя репетиция. Я, честно говоря, из этой группы еще никого толком не знаю.

– А не толком?

– Не толком? Несколько раз подвозил до города Чернову Анастасию. Они с Иваном, кстати, только что обедать пошли. Знаете, вы лучше подойдите к ним сами. Ночью да в гриме, кто их разберет.

– А про местную легенду о графской дочери слышал?

– Дак кто ж о ней не слышал. Тут про нее такие байки плетут! Будто мстит она за поруганную любовь и загубленную жизнь всем, кому не повезет на своем пути с ней встретиться. Только все эти слухи специально распускают – для привлечения отдыхающих. И никак не могут договориться, какой смертью дочка графа умерла – то ли утопилась, то ли отравилась, то ли повесилась. Но в одном сходятся: в момент ее гибели на колокольне нашей церкви сам по себе колокол зазвонил. С тех пор деревню в Звонаревку и переименовали. А дня три назад новую историю услышал. Якобы душа покойной графской дочери, ее Полиной звали, воплотилась в нашей Ольге Леонтьевне. Вот она и возродила себе на утеху старые хоромы, а имя свое артистке передать не захотела. Та не Полиной, а Анастасией считается. Одна ночь у наших «привидений» свободна. Болтают, что Ольга Леонтьевна в своем истинном обличье ее во дворце и будет проводить.

– Чушь какая... А про историю с картиной ты что-нибудь слышал?

– Знаете, Ирина Александровна, вы про это лучше у Ольги Леонтьевны спросите. Не хочу отвечать за чужие сплетни. Извините, народ собирается, надо ехать. Если хотите, подвезу на обед.

Приняв делано-безразличный вид, я отказалась. Плюхнувшись на скамью, уютно прикрютившись в кустах сирени и жасмина, пыталась унять беспокойство. Помнится, Ольга заявила, что дворцовые покои на ночь были закрыты. Ключи находились лично у нее. Совершенно правильное решение. В здании никого не было. Но у Полины имелись ключи! И эти ее странные слова о том, что вначале собирались сделать ключи в виде современных магнитных карточек, но решили не нарушать старинный уклад. Так вполне могла бы сказать Мачеха Софья, графская дочка Полина или... Ольга! Которая, кстати, жаловалась на то, что ночью почти не спала! И при этом не слышала, как Ляна трижды домогалась ее по мобильнику. Я вдруг с ужасом осознала, что ищу портретное сходство между Полиной и Ольгой. Если бы Полине сделать такую же современную прическу и макияж, как у нынешней хозяйки дворца, то... Где тут ближайший дурдом?

7

– Наталья, ты видишь, как благотворно действует на Ирину простое созерцание прекрасного творения природы? – Ляна снисходительно улыбалась.

– Нас с тобой, что ли? – засомневалась Наташка. – У Ирины Санны абсолютно не развито боковое зрение. Она же не водит машину, хотя имеет права. Вроде как. Ефимов ее этих прав лишил. Предпочитает гробить свой вездеход сам. На мой взгляд, Ирка справилась бы с этим делом лучше и быстрее.

Я стряхнула с себя все нити тревожных размышлений, быстренько смотав их в клубок, посмотрела на родственниц и немного подвинулась, освобождая место на скамейке. Под ногами что-то зашуршало.

– Вообще-то я имела в виду вон ту лягушку, которая только что улепетнула под лопушок, – ответила Наталье сватья. – Надо же! Какой изумрудный окрас. В первый раз такую красавицу вижу.

– Вот она и удрала, чтобы изысканную шкуру не спустили. Ир, ты что, на нее охотилась?

– Да... В смысле, нет! Надо же, как поют птицы! Столько счастья в гомоне.

– Вставай, Ириша. Пойдем прогуляемся по территории, пока у меня есть свободное время. Для начала сходим к озеру, потом посмотрим дворец. Обед почти закончился, наверняка скоро около него столпится множество отдыхающих. Надо их опередить. Главная дорога нам не нужна, спустимся по тропиночке. За мной!

Мы с Наташкой послушно отправились следом. Тропиночка, берущая начало за флигелем и убегающая к огороженной части территории, оказалась узенькой, вымощенной плитками дорожкой. Ляна не переставала возмущаться издевательством над природой.

– Еще бы рабатки с цветами организовали! Ведь само собой напрашивается решение оставить это место в первозданном состоянии. Вообще-то тропа задумана для рыбаков. Теперь уже не удивлюсь, если половину берега забетонировали.

Тревога оказалась напрасной. Небольшое озеро с трех сторон окружал лес. Четвертая выходила на территорию пансионата. Нежно-зеленая вуаль кустов ракитника, свисающая к воде, наводила на мысли о прячущихся в них русалках. Озерная гладь была сонной и неподвижной – чистой воды зеркало, отражающее в себе все, что пыталось заглянуть озеру в душу. Сначала, мол, посмотрите сами на себя. Вот и смотрелись – кусты, деревья, небо, замутненное облачками. А потом мы, как замороженные, таращились на свое отражение. Пока Наташку не угораздило поинтересоваться:

– Интересно, графская дочь все-таки повесилась или утопилась? И если утопилась, достали ее со дна озера или она до сих пор там отдыхает?

– Ольга решила, что утопилась. На пике активности была у нее идея обрядить манекен в белое платье и погрузить на дно озера, но тут даже у меня волосы дыбом встали. Не все ведь до такой степени экстремалы. Выудит какой-нибудь рыбак эту куклу, потом самого вылавливать придется.

– Лично мне ничего и вылавливать не требуется. Смотрите, какая вода прозрачная, увижу «утопленницу» – динамита не надо. В радиусе десяти километров рыбакам ловить будет нечего. Мой крик еще в детстве с пионерским горном, усиленным динамиками, сравнивали.

Шумный всплеск откуда-то справа заставил родственниц громко взвизгнуть. Со мной ничего такого случиться не могло. Но прежде чем замереть на неопределенное время, я непроизвольно взбрыкнула, усилив шумовой эффект отскочившим в воду шлепанцем. Обе спутницы еще раз вякнули, только менее громко, нежели в первый раз.

– З-значит, не д-достали панночку, – запинаясь, произнесла Наташка. – Слышали? Возмущается по поводу динамита, сигнал подает!

– Тьфу ты, нечистая сила! – тихонько ругнулась Лянка. – Это, наверное, рыба. Интересно, о чем просигналил Иркин тапок? – Ляна вопросительно взглянула на меня.

– О том, что обувь надо покупать по размеру! – отрезала Наташка. – Ир, хватит позировать невидимому художнику. Лезь в воду за своей обувкой. Если графская дочь будет предлагать свои варианты, не соглашайся.

Я зябко передернула плечами, возвращаясь в нормальное состояние, и буркнула:

– Графская дочь на червяков не клюет и на чужую удочку не ловится. А на тапочки тем более. Ты же в обуви не спишь? Лянка права, здесь наверняка рыба прикормленная, вот и ждет своего часа. Орете так, что весь аппетит ей перебили.

– Еще спасибо скажет, – обретая прежнюю уверенность, заявила Ляна. – Пойдемте-ка к купальне. Будем обходить или через кусты ломанемся?

Мнения тут же разошлись. Поступили мудро – пятьдесят на пятьдесят. Ломанулись через кусты вверх и наискосок. Вскоре вышли на очередную узенькую второстепенную дорожку. По ней и стали спускаться. Сверху доносились «взьерошенные» женские и мужские голоса отдыхающих, хохот, повизгивания. Кажется, смельчаки решили рискнуть и открыть купальный сезон, но застряли на этапе обсуждения подробностей погружения в холодную воду. Разглядеть группу энтузиастов из-за густой лесной поросли было не возможно. Зря они претендовали на первенство. Мачеха – Вероника свалилась в воду хоть и по собственной инициативе, но без желания.

– Опоздали! – с досадой констатировала Ляна. – Надо было раньше идти. Нет никакого желания любоваться красотами озера в гогочущей толпе. Предлагаю ее опередить, тихонечко, не привлекая внимания, сойти с тропы и отправиться вниз прямо по траве между деревьями...

– ... чтобы полюбоваться опередившей нас подвыпившей компанией, свалившейся с откоса, – закончила Наташка, но первой свернула на разнотравье. – Вообще-то правильно. А то господа отдыхающие снесут купальню, и не увидим ее во всем великолепии. Лучше бы они шли кататься на лошадях. Наверное, кареты уже поданы к проходной.

Шли тихо. Молча и сосредоточенно. Как в разведку. При этом старались не наступать на ярко-желтые цветы примулы и белые звездочки других первоцветов – весенний цветочный ковер. Лес был хорошо очищен от сломанных веток и прочего мусора. Мягкая трава заглушала шаги. А птицы щебетали с особым вдохновением. Не зная, что они истинные бессребреники и поют исключительно из любви к жизни, можно подумать о своеобразном соревновании за получение звания ведущего специалиста в своей области. С соответствующим материальным вознаграждением.

Вот так и наткнулись на притаившуюся за стволом большой березы госпожу Мухатскую. В полусогнутом состоянии она была похожа на огромный уродливый нарост на дереве. Кап-мутант. Таисия Михайловна, как приемное устройство, работала в направлении, противоположном купальне. Иными словами, увлеченно подслушивала, подглядывала и шепотом отмечала все интересное, что удалось уловить. Нашего приближения не заметила.

Не сговариваясь, мы развернулись и тихонько отошли назад. На безопасное, по нашему мнению, расстояние. Отказываться от первоначального плана не собирались, просто стали громко переговариваться, демонстрируя намерение пройти к воде. И прошли. Но Мухатской на ее наблюдательном посту уже не было. А жаль. Я надеялась, что она просто сменит род занятий: притулится к своей березе и будет задумчиво внимать птичьим трелям. Очень хотелось с ней переговорить. Придется теперь гоняться за ней по всей территории.

– Во ясновидящая дает! – восхитилась Наташка. – Мигом слиняла. Ну как корова языком слизнула!

– Окстись, родимая, – проворчала я. – Это какая же должна быть корова! И какой ей надо иметь язык...

– Как помело!!! Похожий на ваши собственные, – яростно зашипела Лянка. – Она все слышит. Посмотрите налево, только без всякого интереса. Вроде как не специально. Видите, кусты шевелятся?

Я со скучающим видом задрала голову вверх, пару секунд полюбовалась небом и... как всегда, перепутала правую и левую стороны. Там, где по моему разумению следовало быть «леву» и куда я кинула свой полный безразличия взгляд, стояла с ехидным выражением лица Наташка, уже успевшая полюбоваться на отход ясновидящей по кустам. Решив не ввязываться в перепалку, я с самым умным видом дала понять подруге, что массовые зрелища (а хотя бы и на троих) мне не интересны. Мое внимание больше занимает купальня. Неужели же она такая, как на картине в кабинете Ольги? Отметив, что очень оживленных голосов отдыхающих уже не слышно, и игнорируя иронические выпады подруги, я уверенно направилась в сторону купальни. Спутницы, не торопясь и хихикая, тащились следом. Сверху по широкой плиточной дорожке спускалось к воде человек пять отдыхающих.

Берег был пуст. Меня поразило, что на песке не имелось следов. Такое впечатление, что те, кто здесь недавно побывал, тщательно замели их за собой. Не иначе как с веником гуляли. А в следующую секунду душа похолодела. Жаль, что иней на ресницы не выпал и не лишил зрения. Я стояла и широко раскрытыми глазами смотрела на то, что разум отказывался видеть. До тех пор, пока меня со смехом не подтолкнули родственницы. Колени, получив долгожданный сигнал, тут же подогнулись. Я и растянулась на песке. Как раз под душераздирающий визг отдыхающих. Родственницы растерялись. Решив, что, шутя, лишили меня если не жизни, то здоровья, принялись квохтать надо мной, пытаясь оценить степень его расстройства. Наташка клялась и божилась, что и пальцем меня не тронула. Просто легонько дала коленкой под зад, а это не повод для того, чтобы валяться у них в ногах. Лянка, не обращая на нее внимания, терпеливо уговаривала признаться, в какой именно части меня сломало.

Я сразу для себя решила, что торопиться мне ни к чему. Поэтому всем попыткам поставить меня на ноги активно сопротивлялась. Говорить еще не могла – челюсти свело. Зато лягнула Наташку ногой. Была охота первой приближаться к телу, голова и основная часть которого покоилась в воде! На берегу торчали только лодыжки в задравшихся брюках и ботинках. Утопленник лежал по другую сторону мостков. Именно поэтому я сразу и не обратила на него внимания. А вот женской компании, раздумавшей спускаться, сверху он был хорошо виден. Именно поэтому она распалась. Из общего количества осталось только две женщины, которые, устав визжать, тихонько подвывая, жались друг к другу и постоянно оглядывались назад.

Мои спутницы вконец растерялись, ткнули меня назад в песок до лучших времен и принялись гадать, что такого страшного они сделали. А сверху уже бежали какие-то мужчины в униформе XVIII века с носилками и женщина в белом халате.

– Ирка! Это за тобой! Санитары из сумасшедшего дома. С персональной кроватью. Допритворялась! – процедила подруга сквозь зубы. И, приветливо помахав бегущим рукой, крикнула: – Не торопитесь! Медицина здесь бессильна.

– Молчи, несчастная! – буквально простонала я, лежа на песке. – Они не ко мне, они к трупу бегут.

– Да? – наивно удивилась Ляна. – А зачем же тогда бежать? Куда ему торопиться? Может и подождать... Ох, господи! Ирина!!! Да что ты нам голову морочишь?! – Но проследив за направлением движения группы, плюхнулась рядом со мной на песок.

Наташка, не думая, впрочем, она всегда отличалась аккуратностью, поступила более мудро – уселась мне на ноги, в зародыше подавив мою попытку принять более приличное случаю положение.

– Как думаете, этот труп еще жив?

Довольно шустро Ляна вплотную прижалась к моему дружескому плечу и вцепилась в него намертво, окончательно парализовав мое стремление к освобождению.

– Вот пойдите и спросите у него сами. А если он не захочет отвечать, поинтересуйтесь у тех, кто с ним возится. Наташка! Немедленно освободи мои ноги!

– Еще чего! Твои ноги, ты их и освобождай. А я никуда идти не намерена. Впрочем, есть идея! Давайте тихонечко отползем назад и незаметно покинем этот «бельведер». Как говорится, «имеющий уши, да услышит!». Чуть позднее во дворце обо всем и узнаем. Тем более что нас этот случай никаким боком не касается.

– «Имеющий глаза, да увидит!» – морщась, возразила я. – Еще как касается! – И вспомнила, что правая рука у меня не задействована. Изловчившись, ткнула подругу кулаком в бок. Она даже не пошевелилась. – Кто орал спасателям, «медицина здесь бессильна!»? Наверху толпа зевак стояла, теперь готовь оправдания. Угробила мужика, свои следы замела, теперь на моих ногах расположилась. Опять-таки с целью сокрытия отпечатков собственных шлепанцев. Сидишь тут, любишь на мокрое дело рук своих...

Я еще никогда не видела, чтобы Наташка с такой скоростью вскакивала. Обычно это процесс неторопливый, сопровождаемый мучительным побряхтываньем. Значит, можем, когда захотим?

– А я сейчас все объясню людям! Мне скрывать нечего. Заодно предложу свою помощь.

Со стороны места залегания неподвижного тела донесся горестный вопль. Схватившись за голову, вопила женщина в белом халате. Странная реакция для врача. Впрочем, это продолжалось недолго. Ребята, бросив носилки на песок, принялись напоминать доктору о ее должностных обязанностях. Забыв про недавно выдвинутую стратегию невмешательства, подруга понеслась к группе спасателей, увеличившейся раза в три за счет притока дополнительных сил. А мне уже не составило труда стряхнуть с себя гостью из Копенгагена, где ей наверняка не доводилось быть свидетельницей подобных событий. Я отправилась следом за Наташкой, не слушая заверений Лилианы Сергеевны в том, что «Наташенька сбегает, все разузнает, вернется и обо всем нам поведает».

Судя по действиям, Наташка оказалась основной движущей силой общества любопытных. Она активно разгоняла их в стороны, предлагая немедленно подняться наверх, оттуда намного удобнее сочувствовать несчастному утопленнику. Даже пыталась вспомнить и привести в качестве примера слова старой песни: «Мне сверху видно все, ты так и знай!» Лянка довольно быстро пришла в себя и сочла необходимым прийти ей на помощь, начала вести активную разъяснительную работу. Несла полную ахинею, уверяя отдыхающих, что ничего страшного не случилось. Утопленник входит в программу развлекательных мероприятий пансионата. Все идет по плану. Народ судачил, выдумывая фантастическую картину происшествия, и неохотно отступал от эпицентра события.

Тело мужчины уже лежало на носилках и было накрыто белой простыней, мокрой в местах плотного к нему прилегания. Один из «ливрейных», но босых спутников врача с раздражением выворачивал мокрые белые гольфы. Второй – держа на весу тупоносые ботинки с огромными пряжками, остервенело лупил своими гольфами по мосткам. Такое впечатление, что вытряхивал не песок, а все воспоминания об инциденте. Еще двое подоспевших «униформистов», которым, судя по их виду, не пришлось лезть в воду, давали умные советы вернуть покойного туда, откуда его выловили. До приезда милиции. Несмотря на отсутствие видимых признаков насильственной смерти, нельзя исключать убийства. Пара подмокших товарищей предлагала им осуществить это исключительно своими силами. И

никому в голову не пришло, что покойнику после смерти было как-то ни к чему оживать на короткое время только для того, чтобы замести все следы. Скорее всего, этого факта никто, кроме меня, не заметил. Весь песок истоптали. Можно было и не стараться уничтожать следы. Причем все до единого.

Конец препирательствам положила врачиха, скорбным тоном потребовавшая проявить уважение к утопленнику и прекратить перебранку. По всем признакам у покойного инфаркт, спровоцированный неправильным образом жизни. Один из сухих ее помощников кинулся в купальню. Решил проверить наличие в ней пустых бутылок. А может, и не совсем пустых.

– Серега, стой! – крикнул вдогонку своему товарищу второй «сухостой». – А вдруг там отпечатки пальцев преступника? До прибытия оперативников лучше ни к чему не прикасаться.

– Значит так, мои дорогие! – Голос врача, разбавленный слезами, не обещал ничего хорошего и буквально звенел от напряжения. – Ты, Даня, остаешься караулить покойного вместе со всеми его отпечатками. И не дай тебе бог, сдать его оперативникам без тех частей тела, которыми он этих отпечатков наставил. Сергей! Загляни за купальню. Там в кустах должны быть две решетки на ножках. Перегороди ими дорожку чуть подальше от спуска и попроси посторонних отсюда убраться. А ты, Константин, сбегай к Илье на ворота и позаимствуй у него табличку «Посторонним вход запрещен!». Повесите на решетки.

– Алла Вячеславовна, так у нас в пансионате нет посторонних.

– Теперь будут! Господа отдыхающие, быстро наверх! А вы, ребята, идете за мной. Все, кроме Дани. Заодно и переоденетесь. Даня, ты все понял? Останешься здесь следить, чтобы к телу никто не подходил. Лилиана Сергеевна, вы не видели Ольгу Леонтьевну?

– Это вы ко мне обращаетесь? – не доверяя услышанному, усомнилась Лянка, ошибочно причислившая себя к «господам отдыхающим» и резво улепетывающая наверх следом за Наташкой. – Ах, ну да... Разумеется, ко мне. Так я, к вашему сведению, за Ольгой Леонтьевной и бегу. Натали! Смотреть надо под ноги! Что ты шарахаешься то туда, то сюда. Только с толку сбиваешь.

– О! Ольга бежит! – не обращая никакого внимания на замечание родственницы, Наташка ухватила ее за легкие брюки и снова увлекла вниз. Затормозила ею, как стопором, развернув прямо на меня. – Ир, надо Ольгу успокоить. Нельзя этого покойника куда-нибудь временно спрятать? Чтобы она постепенно привыкала к несчастью.

– Ну да! – Я и не пыталась подавить в себе волну злости. – Пусть привыкает по частям! Сначала оголим несчастному одну ногу, потом вторую... и так далее. Посмертный стриптиз. Хватит скоморошничать!

Тем не менее именно я загородила Ольге доступ к носилкам. Наверное, интуиция... Не было сомнений в том, что лежащий на них покойник ей хорошо известен. Так же как и врачу.

– Что такое? Ира! В чем дело? Алла Вячеславовна, установили, кто именно утонул? Как это случилось? Я дала команду персоналу представить все как несчастный случай. Боже мой! В день открытия! А он точно умер? Ира, да дай же мне, в конце концов, пройти к носилкам! Лянка, заберите ее у меня!

– Ольга Леонтьевна, постарайтесь сами отцепиться от вашей Ирины. Вы же ей запястье сдавили так, что синяки останутся. Вот, возьмите и немедленно выпейте! – Всклипнув, врачиха вытащила из своего чемоданчика лекарство, накапала в мензурку и протянула Ольге. – И извините, мне надо срочно отойти и привести себя в порядок. К сожалению, я не только врач...

Алла Вячеславовна опять всхлипнула, закрыла лицо рукой и скрылась за купальней, избрав для себя путь более трудный, но свободный от посторонних свидетелей ее горя.

Ольга кивнула, послушно от меня отцепилась и залпом маханула все содержимое мензурки. Склонив голову набок, немного постояла, прислушиваясь к своим ощущениям, и совершенно спокойно сказала:

– Мерзость какая. – Затем без колебаний шагнула к носилкам, нервным движением откинула с головы покойного простыню, слегка склонилась и выдала: – Здравствуйте, Вениамин Аркадьевич.

Ощувив, как по коже пробежали мурашки, я невольно подошла поближе, на какой-то миг решив, что либо передо мной чудо воскрешения, либо все случившееся и в самом деле злой розыгрыш. Вениамин Аркадьевич не ответил, хотя его глаза в упор смотрели на Ольгу. Мокрые волосы казались тонкими черными змейками. Он был мертв. Окончательно и бесповоротно.

8

– Только бы расследование пришло к выводу о том, что смерть Вениамина Аркадьевича Потапова произошла в результате несчастного случая! – полчаса спустя лепетала Ольга, бегая мимо нас по комнате. Иногда она останавливалась, терла виски ладонями и усаживалась в кресло. Ненадолго. Словно какая-то сила подбрасывала ее вверх, и она снова принималась за свою беготню.

Нельзя сказать, чтобы Ольга уж очень нам мешала. Мы увлеченно обсуждали главную новость дня. Жаль было ноги директрисы. Не один километр отмахала, а до вечера было еще далеко. По плану на восемь часов приходилось мероприятие под сложным названием «бал-маскарад» и «вечер знакомств». С минуты на минуту ожидалось прибытие оперативной группы из Великих Лук. Я мучилась сомнениями, стоит ли делиться с Ольгой своими соображениями по поводу «несчастливого случая». Мы уже знали, что погибший Потапов несколько часов назад прибыл в пансионат «Дворцовые тайны», чтобы приступить к продолжению исполнения своих обязанностей заместителя директора. При этом значительно запоздал. Ждали его еще накануне вечером, в крайнем случае, к утру, но подвела машина. Сломалась в самое неподходящее время и в самом неподходящем месте. Впрочем, Ольгу он об этом предупредил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.